

~~Д. А. КРАДОТКИНЪ.~~

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

О

ПЕТЕРБУРГЪ.

Университетъ. Дѣло Каракозова — Женское движе-
ніе. Нигилизмъ. — Движеніе „въ народъ“. — Кружокъ
Тайковского. Его члены. — Степнякъ. — Мой арестъ).

ПЕРЕВОДЪ СЪ 8-ГО ФРАНЦУЗСКАГО ИЗДАНІЯ.

Изъ Мемуаровъ революціонера.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1906.

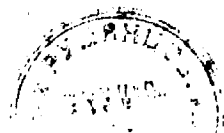
П. А. КРАПОТКИНЪ. ⁸⁰⁸⁻¹⁴
8246

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕТЕРБУРГЪ.

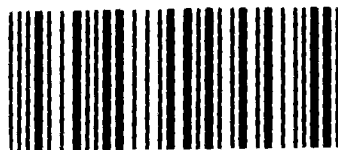
(Университетъ. — Дѣло Каракозова — Женское движе-
ніе. — Нигилизмъ. — Движеніе „въ народъ“. — Кружокъ
Чайковского. — Его члены. — Степнякъ. — Мой арестъ).

ПЕРЕВОДЪ СЪ 8-ГО ФРАНЦУЗСКАГО ИЗДАНІЯ.

Изъ Мемуаровъ революціонера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1906.

2007058913

Типография В. И. Мильштейна, Нижегородская ул., №

Въ Петербургскомъ Университетѣ. — Пржевальскій. — Мнѣ предлагаютъ званіе секретаря Географическаго Общества. — Мой отказъ и его причины.

Въ началѣ осени 1868 года мы съ братомъ и съ его семьей устроились въ Петербургѣ.

Я поступилъ въ университетъ, гдѣ оказался среди юношей гораздо моложе меня, почти дѣтей. Осуществлялось то, о чемъ я мечталъ въ продолженіи пяти лѣтъ: я могъ посвятить себя научнымъ занятіямъ. Глубоко убѣжденный, что единственнымъ прочнымъ основаніемъ для всѣхъ безъ исключенія научныхъ занятій является серьезное математическое образованіе, — я поступилъ на математическое отдѣленіе физико-математическаго факультета. Братъ поступилъ въ военно-юридическую академію, а я окончательно покинулъ военную службу, къ великому неудовольствію отца, который не выносилъ даже вида штатскаго платья. Съ этого времени намъ съ братомъ приходилось надѣяться только на самихъ себя.

Въ теченіи послѣдующихъ пяти лѣтъ университетскія занятія и научныя изысканія поглощали все мое время.

У студента-математика, понятно, дѣла много, но такъ какъ я уже занимался высшей математикой, я оказался въ состояніи посвятить часть своихъ досуговъ географіи. Къ тому же я въ Сибири *) не отвыкъ отъ труда.

Въ жизни человѣческой не много радостей равняются той, которую испытываешь, когда нарождающаяся теорія внезапно освѣщаетъ мысли послѣ долговременныхъ и терпѣливыхъ изслѣдованій. То, что годами казалось такимъ безпорядочнымъ, противорѣчивымъ и сомнительнымъ, вдругъ образуетъ гармоническое цѣлое. Изъ страшнаго смѣшенія фактовъ, изъ тумана гипотезъ, опровергаемыхъ немедленно послѣ ихъ зарожденія, возникаетъ величественная картина, подобно тому, какъ въ Альпахъ цѣпь горъ внезапно выплываетъ во всемъ своемъ великолѣпіи изъ облаковъ, которыя еще минуту тому назадъ окутывали ее, и блистаетъ подъ лучами солнца во всей своей простотѣ, во всемъ своемъ могуществѣ, разнообразіи и красотѣ. И когда теорія подвергается испытанію, когда ее прилагаешь къ сотнѣ отдѣльных фактовъ, которые только что казались неоправимо-противорѣчивыми, тогда каждый изъ этихъ фактовъ находитъ себѣ должное мѣсто и этимъ увеличиваетъ впечатлѣніе отъ всей картины,—гдѣ подчеркивая какую-нибудь характерную черту, гдѣ прибавляя непредвидѣнную, но важную подробность. Теорія становится прочнѣй, развивается, основанія ея становятся широкими и твердыми; а вдаль, сквозь дымку далекаго горизонта, взоры угадываютъ очертанія новыхъ, еще болѣе обширныхъ теорій.

*) Мемуары революціонера ч. III.

Тотъ, кто хоть разъ въ жизни испыталъ эту радость научнаго творчества, никогда не забудетъ ее; онъ съ нетерпѣніемъ будетъ желать вновь пережить ее, и будетъ страдать отъ мысли, что эта радость составляетъ удѣлъ лишь очень немногихъ изъ насъ, въ то время, когда столько людей могли бы въ болѣе или менѣе долѣ участвовать въ этомъ счастьи, — если-бы занятіе наукой и досугъ не были преимуществомъ небольшой горсти людей.

Сдѣланную мной за это время работу по орографіи и картографіи Сѣверной Азіи я считаю своимъ главнымъ вкладомъ въ науку. Первоначально я имѣлъ намѣреніе обнародовать толстую книгу, гдѣ изложеніе новыхъ мыслей о горахъ и равнинахъ Сѣверной Азіи основывалось бы на подробномъ обзорѣ каждой отдѣльной мѣстности, но въ 1879 году, когда я увидѣлъ, что меня скоро арестуютъ, я удовольствовался приготовленіемъ карты, начерченной согласно моимъ воззрѣніямъ, и составилъ къ ней объяснительную записку. И то и другое было напечатано Географическимъ Обществомъ подъ руководствомъ брата во время моего заключенія въ Петропавловской крѣпости. Въ то-же время я много работалъ для Россійскаго Географическаго Общества, по должности секретаря отдѣленія физической географіи.

Въ это же время я часто встрѣчалъ Пржевальскаго, имя котораго скорѣе должно было писаться *Пшевальскій*, такъ какъ это имя польское, хотя самъ онъ предпочиталъ, чтобъ его считали «русскимъ патріотомъ». Онъ былъ страстнымъ охотникомъ. И то увлеченіе, съ

которымъ онъ предпринималъ свои изслѣдованія Центральной Азіи, объяснялось почти столько же его желаніемъ поохотиться за всякаго рода трудной дичью, — дикими козами, дикими верблюдами, дикими лошадьми и т. д., — сколько склонностью къ открытію новыхъ, малодоступныхъ земель. Когда его наводили на разговоръ объ его открытіяхъ, онъ скоро прерывалъ свои скромныя описанія горячими возгласами: «Но какая дичь тамъ была! Какая охота!» и онъ принимался съ увлеченіемъ рассказывать, какъ онъ большое разстояніе проползъ по землѣ, чтобы подкрасться къ дикой лошади. Онъ не успѣвалъ возвратиться въ Петербургъ, какъ уже въ головѣ его зарождалась мысль о новой экспедиціи. Онъ былъ типическимъ путешественникомъ, съ крѣпкимъ здоровьемъ и выносливостью, необходимыми горному охотнику. Такую жизнь, полную лишеній, онъ обожалъ. Первое свое путешествіе онъ совершилъ только съ тремя товарищами и все время сохранялъ наилучшія отношенія съ туземцами. Но слѣдующіе его походы носили болѣе воинственный характеръ, и, къ сожалѣнію, онъ предпочелъ полагаться болѣе на силу своего конвоя, чѣмъ на мирное отношеніе къ туземцамъ. Я даже слышалъ изъ хорошо освѣдомленныхъ круговъ, что еслибы онъ не умеръ въ самомъ началѣ своей экспедиціи въ Тибетъ, онъ, вѣроятно, не вернулся бы оттуда живымъ.

Осенью 1871-го года, когда я работалъ въ Финляндіи, медленно подвигаясь пѣшкомъ по направленію къ берегу вдоль новой желѣзной дороги, я получилъ телеграмму отъ Географическаго Общества: «Советъ просить васъ принять

должность секретаря Общества». Въ то же время и бывший секретарь настоятельно просилъ меня принять это предложеніе.

Этимъ осуществлялись мои мечты. Но съ нѣкотораго времени нныя мысли, нныя стремленія овладѣли мной. Я много думалъ о томъ, какъ отвѣтить,—и послалъ такую телеграмму: «Искренню благодарю, но принять не могу».

Бываетъ часто, что люди играютъ извѣстную политическую, общественную или семейную роль только потому, что у нихъ никогда не было времени спросить себя: подходитъ-ли имъ занимаемое ими положеніе? Дѣйствительно-ли ихъ занятія соотвѣтствуютъ ихъ сокровеннымъ желаніямъ и способностямъ, и доставляютъ-ли они имъ то удовольствованіе, которой всякій въ правѣ ждать отъ исполненнаго труда. Особенно легко могутъ очутиться въ такомъ положеніи люди дѣятельные. Каждый день приносить новое дѣло, и вечеромъ бросаешься въ постель, не сдѣлавъ всего, что рассчитывалъ сдѣлать,—а на слѣдующее утро спѣшишь поскорѣе закончить вчерашнюю работу. Жизнь проходить, а на мысли времени не оказывается, не находишь даже времени оглянуться на то, какое направленіе приняла жизнь. Тоже было и со мной.

Но во время моего путешествія въ Финляндію у меня былъ досугъ. Когда я въ финляндской двухколесной таратайкѣ проѣзжалъ по какой-нибудь равнинѣ, неинтересной для геолога, или когда я, съ молоткомъ на одномъ плечѣ и съ песочнымъ ящикомъ на другомъ, шелъ пѣшкомъ,—въ это время я могъ думать; и среди своихъ геологическихъ работъ, безусловно очень инте-

ресныхъ, я упорно отдавался мысли, которая больше говорила моему сердцу, чѣмъ геологія, и неотвязно преслѣдовала меня.

Я видѣлъ, какое огромное количество труда употребляетъ финляндскій крестьянинъ на то, чтобъ распахать землю и разбить твердые комки глины, и говорилъ себѣ: «Вотъ я, вѣроятно, напишу физическую географію этой области Россіи и укажу крестьянину, какимъ образомъ лучше всего обрабатывать здѣшнюю почву. Тутъ былъ-бы неогнѣнимъ американскій запашикъ; тамъ наука укажетъ извѣстные способы удобренія.... Но на что говорить этому крестьянину объ американскихъ машинахъ, когда ему еле достаетъ хлѣба на прозябаніе отъ одной жатвы до другой, когда арендная плата, которую ему приходится платить за эту глинистую почву, дѣлается все выше и выше по мѣрѣ того, какъ ему удастся улучшить качество почвы? Онъ все грызетъ свою черствую, какъ камень, лепешку изъ ржаной муки, которую и печетъ то онъ всего два раза въ годъ. Съ этимъ хлѣбомъ онъ съѣдаетъ кусокъ страшно соленой трески и пьетъ снятое молоко. Какъ рѣшиться говорить ему объ американскихъ машинахъ, когда ему приходится все, что онъ въ состояніи произвести, продавать для уплаты аренды и налоговъ? Что ему нужно, такъ это, чтобы я съ нимъ жилъ и помогъ ему стать собственникомъ или свободнымъ владельцемъ этой земли. Тогда онъ будетъ читать эти книги съ пользой, но не раньше».

И мысли мои отъ Финляндіи переходили на нашихъ Никольскихъ крестьянъ, которыхъ я недавно видѣлъ.

Теперь они свободны и очень наслаждаются этой свободой. Но у нихъ нѣтъ луговъ. Тѣмъ или другимъ способомъ помѣщикамъ удалось оставить себѣ почти все луга. Когда я былъ ребенкомъ, Савохины водили въ почное 6 лошадей, Толкачевы — 7. Теперь у этихъ семей было не больше трехъ лошадей у каждой. Другія семьи, у которыхъ нѣкогда было по 3 лошади, теперь обладали лишь одной, или совсѣмъ лишены были ихъ. Нѣтъ луговъ, нѣтъ лошадей, нѣтъ навоза! Какъ я могъ говорить имъ, чтобы они сѣяли кормъ? Они уже раззорены, они бѣднѣе Іова, а черезъ нѣсколько лѣтъ сумасшедшая податная система сдѣлаетъ ихъ еще бѣднѣе. Какъ они были счастливы, когда я передалъ имъ, что отецъ мой позволяетъ имъ косить траву въ маленькихъ просѣкахъ его Костинскаго лѣса! «Ваши Никольскіе крестьяне, говорили обыкновенно у насъ въ округѣ, работаютъ какъ бѣшеные»; но пахатная земля, которую наша мачиха урѣзала изъ ихъ надѣла на основаніи минимальной нормы,—этой дьявольской статьи, внесенной помѣщиками-крѣпостниками, когда имъ была дана возможность пересмотрѣть положеніе о крестьянахъ, — эта пахатная земля въ настоящее время заросла чертополохомъ, и «бѣшеные» труженики не имѣютъ разрѣшенія на обработку ихъ. И тоже самое происходитъ по всей Россіи. Даже въ то время было очевидно, и правительственные комиссары заявляли, что слѣдствіемъ перваго-же плохого урожая въ центрѣ Россіи будетъ страшный голодъ,—и дѣйствительно въ 1876, 1884, 1891, 1895 и наконецъ въ 1898 году былъ голодъ.

Наука — вещь прекрасная. Мы известны были радости, которая она даетъ и я цѣнилъ ихъ, быть можетъ, больше, чѣмъ многіе изъ моихъ товарищей. Но какое право имѣлъ я на эти высокія радости въ то время, когда вокругъ себя я видѣлъ только нищету, только борьбу за сгнившій кусокъ хлѣба? Все, что я истрачу, чтобы имѣть возможность цѣлиться въ этомъ мірѣ тонкихъ ощущеній, неминуемо будетъ вырвано изо рта тѣхъ, кто вызываетъ къ жизни колосъ и у кого нѣтъ достаточно хлѣба для собственныхъ цѣтей. Все это должно быть взято изъ суммы того, что кому-нибудь необходимо, потому что общая производительность человѣчества недостаточно высока.

Знаніе—великая сила. Человѣкъ долженъ обладать имъ. Но мы ужъ многое знаемъ! Что если-бъ всѣ эти знанія, хотя бы *только* эти знанія, стали общимъ достояніемъ всѣхъ? Развѣ наука не пошла бы въ этомъ случаѣ впередъ огромными скачками, и человѣчество не стало бы подвигаться гигантскими шагами въ области производства, изобрѣтеній и общественного творчества, съ быстротой, какую мы въ настоящее время едва-ли можемъ представить себѣ?

Массамъ необходимо учиться; онѣ хотятъ учиться; онѣ могутъ учиться. Тамъ, на вершукѣ этого огромной гряды камней, выходящей между озерами, какъ если-бы какіе-нибудь гиганты посѣбно нагромодили ея глыбы, чтобы соединить оба берега, стоитъ, вонъ, финляндскій крестьянинъ, погруженный въ созерцаніе простирающихся передъ нимъ поразительно-прекрасныхъ озеръ,

устьянскихъ островами. Ни одинъ изъ этихъ крестьянъ, будь онъ самый бѣдный изъ нихъ, самый угнетенный, не пройдетъ мимо, не остановившись полюбоваться видомъ. Дальше, на берегу озера, другой крестьянинъ поетъ такую красивую пѣсню, что самый лучший музыкантъ позавидуетъ силѣ чувства и проникновенной поэзіи, которыми проникнута его мелодія. Оба они глубоко чувствуютъ, оба они размышляютъ, оба они думаютъ; они созрѣли для расширенія круга ихъ познаний; только позвольте это имъ, только дайте имъ средства найти досугъ! Вотъ направленіе, въ которомъ я долженъ дѣйствовать, вотъ люди, для которыхъ мнѣ надо работать. А всѣ звучныя фразы, въ которыхъ идетъ рѣчь о прогрессѣ челоуѣчества, въ то время, когда виновники этого прогресса держатся въ приличномъ разстояніи отъ тѣхъ, которыхъ они, какъ имъ кажется, двигаютъ впередъ,—всѣ эти фразы суть одни софизмы, выдуманные людьми, ищущими выхода изъ раздражающаго ихъ противорѣчія.

И вотъ почему я послалъ Географическому Обществу отрицательный отвѣтъ.

II.

Состояніе Петербурга.—Двойственная натура Александра II — Распущенность администраціи. Помѣхи просвѣщенію.—Упадокъ петербургскаго общества.—Дѣло Карамзина.

Съ тѣхъ поръ, какъ я въ 1862 г. оставилъ Петербургъ, онъ очень перемѣнился. «Ахъ, да, вы знали Петербургъ Чернышевскаго», сказалъ мнѣ однажды поэтъ Майковъ. Дѣйствительно, я зналъ тотъ Петербургъ, у котораго Чернышевскій былъ любимцемъ. Но какъ опредѣлю я тотъ городъ, который я нашелъ по возвращеніи? Пожалуй, я назову его *кафешиантаннымъ* Петербургомъ, если только слова «весь Петербургъ» дѣйствительно равнозначуци большому свѣту, той средѣ, которая давала тонъ при дворѣ.

При дворѣ и въ примыкавшихъ къ нему кругахъ на либеральные взгляды смотрѣли косо. Всѣ выдающіеся люди шестидесятыхъ годовъ, даже умѣренные, какъ, напримеръ, графъ Николай Муравьевъ и Николай Милю-

тинъ, считались неблагонадежными. Только Дмитрія Милютина, военнаго министра, Александръ II оставилъ въ его должности, потому что на осуществленіе реформы, которую онъ имѣлъ произвести въ арміи, требовалось нѣсколько лѣтъ. Всѣ остальные дѣятели эпохи реформъ были отставлены въ сторону. Однажды я бесѣдовалъ съ однимъ изъ высшихъ должностныхъ лицъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Онъ сурово критиковалъ другаго высшаго сановника и я, принимая послѣдняго подъ свою защиту, замѣтилъ: «Однако, въ его оправданіе слѣдуетъ признать, что онъ ни за что не соглашался поступить на службу въ царствованіе Николая I». — «А теперь, возразилъ тотъ, онъ служитъ подъ эгидой Шувалова и Тренова!» Этотъ отвѣтъ такъ хорошо опредѣлялъ положеніе, что я ничего не нашелъ возразить ему.

Генералъ Шуваловъ, начальникъ государственной полиціи, и генералъ Треновъ, начальникъ петербургской полиціи, дѣйствительно были настоящими хозяевами Россіи. Александръ II дѣлалъ все, что они хотѣли, а они управляли при помощи страха. Тренову удалось такъ запугать Александра II призракомъ готовой разразиться въ Петербургѣ революціи, что если всемогущій начальникъ полиціи приносилъ во дворецъ свой ежедневный отчетъ съ нѣсколькими минутами запозданія, Императоръ обязательно спрашивалъ его: «все-ли спокойно въ Петербургѣ?»

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Александръ II-й сильно подружился съ генераломъ Флери, адъютантомъ Наполеона III-го, зловѣщимъ человѣкомъ, который былъ

душой государственнаго переворота 2-го Декабря 1852 года. Ихъ постоянно видѣли вмѣстѣ, и Флери въ послѣдствіи сообщилъ парижанамъ о великой почести, которую оказали ему русскій царь. Послѣдній, каталецъ однажды по Невскому, увидѣлъ Флери и пригласилъ его сѣсть къ нему въ открытыя дрожки, *эгоистку*, сидѣнье которой имѣло лишь двѣнадцать дюймовъ въ ширину и предназначалось только для одного человѣка. И французскій генеральъ рассказывалъ съ малѣйшими подробностями, какъ они съ царемъ держались другъ за друга, причемъ изъ-за узости дрожекъ сидѣли на половину на воздухѣ. Достаточно только назвать этого друга, такъ недавно прибывшаго изъ Компьеня, чтобы дать понять, что такое представляла эта дружба.

Шуваловъ извлекалъ всю возможную пользу изъ состоянія духа своего господина. Одну за другой подготавливалъ онъ реакціонныя мѣры, а если Александръ П-й показывалъ хоть тѣнь намѣренія отказать въ своей подписи, то Шуваловъ заговаривалъ о грозящей революціи, о судьбѣ Людовика XVI-го, и ради «блага династіи» умолялъ его согласиться на эти новыя распоряженія, которыя дополняли законы о репрессіяхъ. Отъ времени до времени Императоромъ овладѣвали грусть и сожалѣніе. Онъ впадалъ въ мрачную меланхолію и печально говорилъ о блестящемъ началѣ своего царствованія и реакціонномъ направленіи, которое оно приняло въ послѣдствіи. Тогда Шуваловъ устраивалъ особенно оживленную охоту на медвѣдей. Въ новгородскіе лѣса отправлялись охотники, веселые придворные и

кареты, полныя дамъ. Александръ II убивалъ нѣсколько медвѣдей; онъ былъ хорошимъ стрѣлкомъ и обыкновенно подпускалъ звѣря на разстояніе нѣсколькихъ саженей отъ своего ружья. Тогда, среди возбужденія, произведеннаго удовольствіемъ отъ охоты, Шуваловъ добивался отъ своего господина согласія на всѣ придуманные имъ проекты репрессій.

Александръ II-й несомнѣнно не былъ посредственностью; но въ немъ жили какъ будто два различныхъ человѣка, оба очень развитые и находящіеся другъ съ другомъ въ постоянной борьбѣ. И эта внутренняя борьба дѣлалась все сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ онъ становился старше. Онъ могъ быть очаровательнымъ въ обращеніи и непосредственно послѣ этого стать страшно рѣзкимъ. Лицомъ къ лицу съ истинной опасностью онъ показывалъ спокойную и разумную храбрость, и при этомъ жилъ въ постоянномъ страхѣ такихъ опасностей, которыя существовали только въ его воображеніи.

Онъ безусловно не былъ малодушнымъ, смѣло шелъ на медвѣдя. Одинъ разъ звѣрь не былъ убитъ немедленно первымъ же выстрѣломъ. Стоявшій за нимъ человѣкъ бросился на него съ коломъ, но медвѣдь повалилъ его, и тогда царь бросился ему на помощь и убилъ медвѣдя выстрѣломъ въ упоръ (этотъ рассказъ я слышалъ отъ самого этого человѣка). И не смотря на это всю жизнь его обуревали страхи, порожденные собственнымъ его воображеніемъ. Въ сношеніяхъ съ друзьями онъ былъ очень привѣтливъ. Но привѣтливость эта не исклю-

чала холодной безжалостности, доказательствомъ которой служить подавленіе польскаго возстанія, а позднѣе, въ 1880-мъ году, точно такія же мѣры, принятія ими при подавленіи возмущенія русской молодежи. Онъ жилъ двойной жизнью. Въ то время, о которомъ я говорю, онъ съ легкимъ сердцемъ подписывалъ самые реакціонные указы, а потомъ приходилъ отъ этого въ отчаяніе. Къ концу жизни его эта внутренняя борьба, какъ то видно будетъ дальше, стала еще ожесточеннѣе и приняла почти трагическій характеръ.

Въ 1872 году Шуваловъ былъ назначенъ посломъ въ Лондонъ, но его другъ, генералъ Потаповъ продолжалъ его политику до начала турецкой войны 1877-го года. Въ продолженіи всего этого времени происходило самое беззастѣнчивое и въ широчайшихъ размѣрахъ хищеніе государственныхъ финансовъ, казенныхъ земель, имѣній, конфискованныхъ въ Литвѣ послѣ возстанія, земель оренбургскихъ башкиръ и т. д. Нѣсколько скандаловъ этого рода открылось и впоследствии получило огласку, а нѣкоторые изъ нихъ дошли даже до сената, превращеннаго въ Высшій Судъ, когда Потаповъ сошелъ съ ума, Треповъ былъ смѣщенъ и ихъ дворцовые соперники захотѣли показать ихъ Александру II въ настоящемъ свѣтѣ. Во время одного изъ этихъ судебныхъ слѣдствій открылось, что нѣкій пріятель Потапова съ необычайнымъ безстыдствомъ отнялъ у крестьянъ одного литовскаго имѣнія ихъ земли, и впоследствии, получивъ полномочія отъ своихъ друзей изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, заключилъ въ тюрьму этихъ крестьянъ,

добивавшихся правосудія, приказалъ подвергнуть ихъ казанію кнутомъ и заставилъ войска разстрѣлять ихъ. Это была одна изъ самыхъ возмутительныхъ исторій этого рода, даже въ лѣтописяхъ Россіи, всегда изобилующихъ подобными несправедливостями. Только послѣ того, какъ Вѣра Засуличъ стрѣляла въ Трепова и ранила его, желая отомстить ему за одного политическаго заключеннаго, высѣченнаго по его приказанію, въ тюрьмѣ, только послѣ этого кражи, совершенныя этой шайкой, вышли наружу, и Треповъ былъ смѣщенъ. Онъ думалъ, что онъ умретъ, и написалъ завѣщаніе, и только изъ послѣдняго выяснилось, что этотъ человѣкъ, въ глазахъ царя выдававшій себя за бѣдняка, хотя онъ годами занималъ доходное мѣсто начальника петербургской полиціи, въ дѣйствительности оставлялъ своимъ наслѣдникамъ значительное состояніе. Нѣкоторые придворные сообщали объ этомъ царю. Треповъ потерялъ довѣріе, и вотъ тогда-то возбуждены были въ Сенатѣ дѣла о нѣкоторыхъ фактахъ изъ разбойнической дѣятельности шайки Шувалова, Потапова и Трепова.

Во всѣхъ министерствахъ происходило грандіозное хищеніе, главнымъ образомъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и по промышленнымъ предпріятіямъ. Состоянія въ эту эпоху составлялись огромныя. Флотъ, какъ говорилъ самъ Александръ II одному изъ своихъ сыновей, «находился въ карманахъ такого-то». Желѣзныя дороги, гарантированныя правительствомъ, обходились въ баснословныя суммы. Что касается до торговыхъ предпріятій, то всѣмъ было извѣстно, что невозможно было добиться

концессіи на таковое иначе, какъ обѣщавъ нѣкоторымъ чиновникамъ различныхъ министерствъ извѣстный процентъ съ нихъ. Одинъ изъ моихъ пріятелей хотѣлъ затѣять въ Петербургѣ одно дѣло; ему прямо сказали въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, что онъ долженъ будетъ выплачивать двадцать пять процентовъ чистой прибыли нѣкому лицу, пятнадцать процентовъ одному чиновнику министерства финансовъ, десять процентовъ другому чиновнику этого-же министерства и еще пять процентовъ четвертому. Такіе переговоры велись совершенно открыто и самъ Александръ II зналъ о нихъ. Его собственныя замѣтки на всеподаннѣйшихъ отчетахъ государственнаго контролера свидѣтельствуютъ объ этомъ. Но въ этихъ ворахъ онъ видѣлъ людей, защищавшихъ его отъ революціи, — и держалъ ихъ до того дня, когда разразился скандалъ.

Императрица Марія Александровна, угнетенная тѣмъ оборотомъ, который принимала придворная жизнь, становилась все болѣе набожной и вскорѣ оказалось всецѣло въ рукахъ дворцоваго священника, представителя совершенно новаго въ русской церкви типа, — іезуитскаго. Этотъ новый разрядъ духовенства, прекрасно причесанный, развращенный и хитрый, въ эту эпоху сильно распространился. Духовенство уже тогда настойчиво и успѣшно стремилось къ тому, чтобы стать государствомъ въ государствѣ и захватить въ свои руки школы.

Много разъ уже доказывалось, что въ Россіи деревенское духовенство до такой степени поглощено своими обязанностями, до такой степени занято крещеніями, браками, причащеніемъ умирающихъ, что оно не въ со-

стояннѣ отдавать своего времени школамъ, Даже когда священнику платятъ за преподаваніе Закона Божьяго въ сельской школѣ, даже тогда онъ обыкновенно поручаетъ его другому, такъ какъ ему самому некогда заниматься этимъ. Не смотря на это высшее духовенство, пользуясь тѣмъ, какъ Александръ II ненавидѣлъ «революціонный образъ мыслей», уже начинало свою кампанію, которая должна была привести къ захвату школъ. Девизомъ высшаго духовенства стало: «никакихъ другихъ школъ, кромѣ духовныхъ». Вся Россія требовала образованія, но даже до цѣлѣности ничтожная сумма двухъ милліоновъ рублей, ежегодно вносимая въ государственную роспись на низшія школы, министерствомъ народнаго просвѣщенія *не тратилась*, такъ что въ концѣ концовъ ее почти цѣлкомъ передали Синоду, чтобы сдѣйствовать ему въ учрежденіи школъ, помѣщенныхъ подъ руководство сельского духовенства, — и существующихъ, въ большинствѣ случаевъ, даже до сихъ поръ только на бумагѣ.

Вся Россія требовала техническаго образованія, но министръ открывалъ только классическія гимназіи, такъ какъ огромный курсъ латинскаго и греческаго языка считался лучшимъ средствомъ помѣнать учащимся читать и думать. Въ этихъ гимназіяхъ только двумъ или тремъ процентамъ воспитанниковъ удавалось преодолѣть до конца весь восьмилѣтній курсъ, такъ какъ всѣ молодые люди, которые общали въ будущемъ сдѣлаться чѣмъ-нибудь значительнымъ, старательно устранялись ранѣе достиженія ими послѣдняго класса, и принимались всевозможныя мѣры, чтобы *сократить* число вос-

питанниковъ. На образованіе смотрѣли, какъ на какую-то роскошь, составляющую удѣлъ немногихъ. Въ то же самое время министерство народнаго просвѣщенія состояло въ постоянной и страстной борьбѣ со всѣми частными лицами и учрежденіями,—земствами, городскими управленіями и т. д.,—которые стремились открывать реальныя училища или профессиональныя школы или даже только простыя низшія школы. Техническое образованіе, — и это въ странѣ, которая до такой степени нуждалась въ инженерахъ, агрономахъ и геологахъ,—почиталось чѣмъ-то революціоннымъ. Преподаваніе техники преслѣдовалось, изгонялось въ такой мѣрѣ, что и по сей день еще ежегодно, осенью, за недостаткомъ мѣстъ, отказываютъ двумъ или тремъ тысячамъ молодыхъ людей, желающимъ поступить въ высшія профессиональныя учебныя заведенія. Отчаяніе овладѣвало всѣми, кто хотѣлъ принести пользу общественной жизни въ то самое время, когда подготовлялось раззореніе деревни путемъ взиманія съ крестьянъ непомерныхъ налоговъ, когда недоимки по послѣднимъ вымучивались у нихъ при помощи военныхъ эзбекуцій, навсегда разорявшихъ крестьянина. Только тѣ губернаторы пользовались фаворомъ въ столицѣ, которые собирали эти недоимки самыми рѣшительными средствами.

Вотъ каковъ былъ чиновничій Петербургъ. Вотъ какое вліяніе онъ имѣлъ на Россію.

Покидая Сибирь, мы съ братомъ часто бесѣдовали объ умственной жизни, которую встрѣтимъ въ Петербургѣ, и объ интересныхъ знакомствахъ, которыя мы завяжемъ въ литературныхъ кругахъ. И въ самомъ дѣлѣ

мы завязали нѣсколько такихъ знакомствъ, какъ среди радикальной партіи, такъ и среди умѣренныхъ славяно-филовъ. Но я долженъ признаться, что мы потерпѣли разочарованіе. Мы нашли множество прекрасныхъ людей, — Россія вообще изобилуетъ прекрасными людьми, — но они совершенно не отвѣчали нашему идеалу писателя - политика. Лучшіе писатели, — Чернышевскій, Михайловъ, Лавровъ, — были въ ссылкѣ или, подобно Писареву, были заключены въ Петропавловскую крѣпость. Другіе мрачно смотрѣли на положеніе вещей, измѣнили свои взгляды и склонялись къ нѣкотораго рода отеческому абсолютизму; тогда какъ большинство, все еще оставаясь вѣрными своимъ воззрѣніямъ, такъ осторожно высказывало послѣднія, что ихъ осмотрительность казалась почти измѣной. Въ ту эпоху, когда преобразовательное движеніе было въ блестящей порѣ своего развитія, большинство членовъ передовыхъ литературныхъ круговъ находились въ сношеніяхъ либо съ Герценомъ, либо съ Тургеневымъ и его друзьями, либо съ тайными обществами «Великая Россія» и «Страна и Свобода», обществами, быстротечное существованіе которыхъ протекло въ этотъ періодъ. Въ описываемое же время тѣ-же самые люди главнымъ образомъ заботились о томъ, чтобы зарыть свои старыя стремленія какъ можно глубже въ землю, чтобы обезопасить себя отъ всякихъ подозрѣній политическаго порядка. Одинъ или два либеральныхъ журнала, которые въ то время терпѣлись, главнымъ образомъ, благодаря поразительнымъ дипломатическимъ способностямъ ихъ издателей, — составлялись прекрасно: они указывали на постоянно растущую нужду и отчаянное

положеніе значительной массы крестьянъ, и довольно ясно намекали на пренятствія, которыя ставились работникамъ прогресса. Факты группировались такъ выпукло, что совокупности ихъ достаточно было, чтобы многихъ привести въ отчаяніе. Но никто не рѣшался предложить средства, какъ помочь этому, или внушить какой-нибудь планъ дѣйствій, какой-нибудь выходъ изъ положенія, которое представлялось безвыходнымъ. Нѣкоторые писатели все еще питали надежду, что Александръ II снова возьметъ на себя роль преобразователя, но у большинства ихъ страхъ, что ихъ журналъ будетъ закрытъ, а его редакторъ и сотрудники сосланы въ «отдаленныя или не столь отдаленныя мѣстности Имперіи» заглушалъ все остальное. Ихъ одинаково связывали и чувства страха и надежда. Чѣмъ опредѣленнѣе были ихъ радикализмъ, тѣмъ больше робости показывали они въ настоящее время. Мы съ братомъ были отлично приняты въ нѣкоторыхъ изъ этихъ литературныхъ кружковъ и иногда присутствовали на ихъ пріятельскихъ собраніяхъ; но когда разговоръ выходилъ изъ круга легкой болтовни или когда братъ, который поразительно умѣлъ возбуждать важные вопросы, наводилъ разговоръ на внутреннія дѣла или на положеніе Франціи, гдѣ Наполеонъ большими шагами стремился къ своему паденію (1870), тогда можно было быть увѣреннымъ, что кто-нибудь не замедлитъ перебить его. «А что вы, господа, думаете о послѣднемъ представленіи «Прекрасной Елены» или «Какъ вы находите конченаго сига»? спрашивалъ вдругъ кто-нибудь изъ болѣе пожилыхъ гостей,—и на этомъ бесѣда прекращалась.

Внѣ литературныхъ круговъ дѣло обстоѣло еще хуже. Въ 1860 — 1870-хъ годахъ Россія, а въ особенности Петербургъ, кишѣла передовыми людьми, которые, какъ казалось тогда, готовы были всеѣмъ пожертвовать ради своихъ убѣжденій. «Куда дѣвались они?» спрашивалъ я себя. Я отыскалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ: но они ничего не нашли мнѣ сказать, кромѣ какъ: «Поосторожиѣе, молодой человѣкъ», — «Сила солону ломить», или же «Лбомъ стѣны не прошибешь», и другихъ такихъ же пословицъ, къ несчастію весьма многочисленныхъ въ русскомъ языкѣ. Эти то пословицы и составляли теперь кодексъ ихъ практической философіи. «Мы уже кой-что сдѣлали въ жизни! Больше мы отъ нея ничего не требуемъ»; или же: «Потерпите, подобное положеніе вещей долго продолжаться не можетъ», говорили они намъ въ то время, когда мы, молодежь, готовы были возобновить борьбу, дѣйствовать, всеѣмъ рискнуть, всеѣмъ пожертвовать, если въ томъ окажется надобность, и у нихъ просили только указаній, совѣта, нравственной поддержки.

Въ «Дымѣ» Тургеневъ изобразилъ нѣкоторыхъ бывшихъ преобразователей изъ высшихъ слоевъ общества, и уже его картина достаточно безнадежна. Но въ особенности хорошо можно прослѣдить всеѣ виды постепеннаго упадка либераловъ-шестидесятниковъ по печальнымъ повѣстямъ и разсказамъ г-жи Хвощинской, писавшей подъ псевдонимомъ В. Крестовскаго. (Не смѣшивать съ другимъ романистомъ, Всеволодомъ Крестовскимъ). Какъ только безымянная толпа, которая десять лѣтъ назадъ составила мощь преобразовательнаго движенія, отказа-

лась слушать «все это сентиментальничанье», такъ божествомъ ихъ сдѣлалась радость жизни,—быть можетъ, радость, что они дожили. Они спѣшили пользоваться богатствами, которыя дождемъ сыпались въ руки «практическихъ» людей.

Со времени уничтоженія крѣпостного права изобрѣтено было много путей, ведущихъ къ богатству. И толпа съ увлеченіемъ бросилась на нихъ. Съ лихорадочнымъ жаромъ строились въ Россіи желѣзныя дороги; землевладѣльцы толпами бѣжали въ новооткрытые частные банки закладывать свои имѣнія. Недавно учрежденныя профессіи нотаріусовъ и присяжныхъ повѣренныхъ доставляли крупныя доходы; акціонерныя общества размножались съ ужасающей быстротой и учредители этихъ предпріятій благоденствовали. Люди, которые въ бывшее время жили бы въ деревнѣ на скромный доходъ съ маленькаго имѣнія, обрабатываемаго сотней крѣпостныхъ, или на еще болѣе скромное жалованье судебнаго чиновника, въ описываемое время составляли себѣ состоянія или имѣли доходы, которые можно было бы сравнить только съ доходами крупныхъ богачей времени крѣпостного права.

Самые вкусы «общества» все болѣе и болѣе падали. Итальянская опера, бывшая некогда обычнымъ мѣстомъ радикальныхъ демонстрацій, теперь пустовала; русская опера, все еще робко заявлявшая о правахъ своихъ великихъ композиторовъ, посѣщалась только горстью поклонниковъ. Оба эти театра находили «скучными» и сливки петербургскаго общества предпочитали имъ вульгарный театрикъ, гдѣ звѣздочки второй величины изъ

маленькихъ парижскихъ театровъ пожинали легкіе лавры и составляли предметъ восхищенія золотой молодежи. Или же ходили слушать «Прекрасную Елену», которая ставилась на русской сценѣ, тогда какъ наши великіе драматическіе писатели предавались забвенію. Музыка Оффенбаха царствовала безъ соперницъ.

Надо признаться, что политическая атмосфера была такова, что они имѣли основанія, или по меньшей мѣрѣ вѣскія извиненія, оставаться спокойными. Послѣ покушенія Каракозова на жизнь Александра II, въ апрѣлѣ 1866 г., политическая полиція стала всемогущей. Всякій человекъ, подозрѣваемый въ «радикальныхъ взглядахъ», безотносительно къ тому, сдѣлалъ-ли онъ что-нибудь или ничего не сдѣлалъ, принужденъ былъ жить въ постоянномъ страхѣ быть ночью арестованнымъ за сочувствіе, которое ему могло случиться показать кому-нибудь, запутанному въ то или другое политическое дѣло, или за невиннѣйшее письмо, захваченное при ночномъ обыскѣ, и просто за свои «опасныя воззрѣнія». А арестъ по политическимъ причинамъ часто равносильнъ былъ годамъ заключенія въ Петропавловской крѣпости,сылкѣ въ Сибирь, или даже пыткѣ въ казематахъ крѣпости.

До настоящаго времени эта агитація каракозовскихъ кружковъ оставалась почти совершенно неизвѣстной, даже въ Россіи. Я въ то время былъ въ Сибири, и знаю о ней только по наслышкѣ. Кажется, однако, что въ этомъ движеніи выяснилось два теченія. Одно изъ нихъ было началомъ великаго движенія «въ народъ», которое впоследствии приняло такіе огромные размѣры, тогда какъ второе теченіе было главнымъ образомъ политическимъ.

Группы молодежи, часть которой была на пути къ тому, чтобы стать блестящими профессорами, историками или серьезными этнографами, около 1864 г. объединились съ намѣреніемъ доставлять народу просвѣщеніе и вносить въ него науку, наперекоръ препятствіямъ со стороны правительства.

Они устраивались въ качествѣ простыхъ ремесленниковъ въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ, основывали тамъ кооперативныя товарищества и воскресныя школы, въ надеждѣ на то, что съ помощью большого такта и терпѣнія они въ состояніи будутъ просвѣтить народъ и создать такимъ путемъ первые центры, откуда мало по малу распространятся среди массъ лучшія и болѣе свѣтлыя понятія. Цѣль эта была высока. Въ распоряженіи ихъ были значительныя средства: и я склоненъ полагать, что эта попытка, въ сравненіи съ позднѣйшими предпріятіями того же рода, съ практической точки зрѣнія опиралась на самыя прочныя основанія. Во всякомъ случаѣ, учредители этого дѣла находились въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ рабочимъ народомъ.

Съ другой стороны движеніе, подѣ влияніемъ нѣкоторыхъ изъ членовъ этихъ кружковъ, — Каракозова, Ишутина и ихъ друзей, — приняло политическое направленіе. Уже съ 1862 года политика Александра II стала отличаться рѣзко реакціоннымъ характеромъ. Онъ окружилъ себя самыми ретроградными людьми и сдѣлалъ послѣднихъ своими ближайшими совѣтниками. Тѣ реформы, которыя прославили начало его царствованія, въ эту эпоху были урѣзаны или упразднены частными правилами и министерскими циркулярами. Въ реакціонномъ лагерѣ

открыто выражалась надежда на возстановленіе въ томъ или иномъ скрытомъ видѣ помѣщичьяго суда и крѣпостного права, и никто въ это время не могъ надѣяться, что главная реформа, — уничтоженіе крѣпостного права, — устоитъ противъ натисковъ, направлявшихся противъ нея и исходившихъ изъ самаго Зимняго дворца. Вотъ что привело Каракозова и его друзей къ мысли, что продолженіе царствованія Александра II угрожало бы до сихъ поръ достигнутымъ результатомъ и что если Александръ II-й будетъ продолжать царствовать, Россія снова будетъ отдана во власть ужасамъ царствованія Николая I-го. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это всегда бываетъ, несмотря на постоянныя разочарованія, большія надежды возлагались на либеральныя наклонности наследника престола и его ידי вел. кн. Константина Николаевича. Необходимо добавить, что до 1866-го года эти опасенія и соображенія довольно часто высказывались и въ болѣе высокихъ сферахъ, нежели тѣ, въ которыхъ, повидимому, вращался Каракозовъ. Какъ бы то ни было, Каракозовъ стрѣлялъ въ Александра II-го, въ то время какъ тотъ, выйдя изъ Лѣтняго Сада, садился въ карету, промахнулся и тутъ же на мѣстѣ былъ арестованъ.

Катковъ, глава московской реакціонной партіи, извѣстный своимъ умѣніемъ вышибать деньги изъ каждаго политическаго волненія, немедленно сталъ обвинять всѣхъ радикаловъ и всѣхъ либераловъ въ соучастіи съ Каракозовымъ, — что, разумѣется, было совершенной ложью, — и сталъ въ своей газетѣ распускать, — да такъ, что вся Москва повѣрила ему, — ту клевету, будто Каракозовъ былъ лишь орудіемъ въ рукахъ вел. кн. Константина

Николаевича, стоявшего во главѣ преобразовательной партіи въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Легко себѣ представить, какъ Шуваловъ и Треповъ воспользовались этими обвиненіями и страхами Александра II-го. Михаилъ Муравьевъ, заслужившій во время польскаго возстанія прозваніе «вѣшателя», получилъ приказаніе произвести тщательное слѣдствіе и во чтобы-то ни стало раскрыть предполагаемый заговоръ. Онъ произвелъ аресты во всѣхъ слояхъ общества, приказалъ сдѣлать сотни обысковъ и хвастался, «что онъ найдетъ способъ сдѣлать заключенныхъ разговорчивѣе». Онъ несомнѣнно былъ такимъ человѣкомъ, что не отступилъ бы и передъ пыткой, и общественное мнѣніе въ Петербургѣ единогласно утверждало, что Каракозова пытали съ цѣлью вырвать у него признаніе, котораго онъ, впрочемъ, не сдѣлалъ.

Государственныя тайны отлично сохраняются въ крѣпостяхъ, особенно въ этой каменной громадѣ, находящейся противъ Зимняго дворца и видѣвшейся на своемъ вѣку столько ужасовъ, которые только за послѣднее время стали разоблачаться историками. И тайны Муравьева она все еще хранитъ. Какъ бы то ни было, нижеислѣдующее броситъ, быть можетъ, нѣкоторый свѣтъ на это дѣло.

Въ 1866-мъ году я былъ въ Сибири. Одинъ изъ нашихъ сибирскихъ офицеровъ, ѣхавшій въ концѣ года изъ Россіи въ Иркутскъ, встрѣтилъ на одной почтовой станціи двухъ жандармовъ. Имъ было поручено сопровождать одного чиновника, сосланнаго за воровство, и теперь они возвращались въ Россію. Нашъ иркутскій офицеръ, очень милый малый увидалъ жандармовъ въ то

время, когда они морозной зимней ночью пили чай, подсасть къ ихъ столу и, пока мѣняли лошадей, стать бесѣдовать съ ними. Оказалось, что одинъ изъ нихъ знавалъ Каракозова.

«Хитеръ онъ былъ здорово», заговорилъ онъ. «Когда онъ былъ въ крѣпости, двоимъ изъ насъ (мы смѣнялись каждые два часа) было приказано мѣнять ему снать. И вотъ мы его сажали на узкій табуретъ и какъ только онъ начиналъ дремать, мы его встряхивали, чтобы разбудить... Что подѣлаете? такъ было приказано! Такъ вотъ вы поглядите, какой онъ былъ хитрый: онъ сидѣлъ, скрестивъ ноги, и качалъ одну ногу, чтобы мы думали, что онъ не спитъ; и въ это самое время, продолжая качать ногой, онъ дремалъ. Но мы скоро раскрыли его хитрость и рассказали про нее тѣмъ, которые пришли смѣнить насъ, такъ что его стали встряхивать и будить ежеминутно, независимо отъ того, качалъ ли онъ ногой или нѣтъ».

«Сколько же времени это продолжалось?» спросилъ мой пріятель.

«Да нѣсколько дней, больше подѣли!» Самая наивность этого разсказа уже доказываетъ его правдивость; не можетъ быть, чтобы это было выдумкой: и ничто не мѣшаетъ допустить, что Каракозова такимъ образомъ пытали.

Когда Каракозова вѣшали, одинъ изъ моихъ товарищей по нажескому корпусу присутствовалъ при экзекуціи со своимъ кирасирскимъ полкомъ.

«Когда его вывели изъ тюрьмы, рассказывалъ мнѣ мой товарищъ, и я увидѣлъ его сидящимъ на высокой

платформъ-гелѣжкѣ, которая тряслась по ухабистому валу крѣпости, мое первое впечатлѣніе было такое, что вѣшать будутъ резиновую куклу, а Каракозовъ уже умеръ. Вообрази себѣ, что голова, руки и все тѣло были совершенно безжизненны, какъ будто изъ тѣла этого были вынуты кости или же какъ будто послѣднія были поломаны. Это было ужасное зрѣлище, и странно было подумать о томъ, что это означало. Однако, когда двое солдатъ ссадили его съ телеги, я замѣтилъ, что онъ передвигалъ погами и дѣлалъ страшныя усилія, желая идти безъ посторонней помощи и самому подняться по ступенькамъ эшафота. Стало быть, это не была кукла, и въ обморокъ онъ быть не могъ. Бывшіе при этомъ офицеры были сильно поражены всѣмъ этимъ и не знали чѣмъ это объяснить». Когда же я высказалъ моему товарищу предположеніе, что Каракозова, быть можетъ, пытали, онъ покраснѣлъ и отвѣтилъ: «мы все то же самое думали».

Одно уже лишеніе сна въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль достаточно объясняло состояніе, въ которомъ находился въ моментъ экзекуціи этотъ человѣкъ, одаренный большою нравственною силою. Къ этому я добавлю фактъ, въ которомъ вполне убѣжденъ, а именно, что по крайней мѣрѣ въ одномъ случаѣ одному изъ заключенныхъ въ крѣпости, по имени Сабурову, въ 1879 году были даны снадобья. Удовольствовался ли Муравьевъ тѣмъ, что пыталъ Каракозова вышеописаннымъ способомъ? Помѣшали ли ему пойти дальше?—Не знаю. Но что я отлично знаю, такъ это то, что я многократно слышалъ отъ нѣкоторыхъ выс-

шихъ сановниковъ въ Петербургѣ: именно, что въ этомъ дѣлѣ была примѣнена пытка.

Муравьевъ поклялся уничтожить радикальные элементы Петербурга и всѣ, чье прошлое было въ той или иной мѣрѣ „занятнано радикализмомъ“ жили въ постоянномъ страхѣ попасть въ когти «палачу». Они прежде всего избѣгали сношеній съ молодежью изъ опасенія быть изъ-за нихъ замѣшанными въ какое-нибудь опасное политическое сообщество. Такимъ образомъ создавалась пропасть не только между «отцами» и «дѣтьми», какъ то описалъ Тургеневъ въ своемъ романѣ, не только между двумя поколѣніями, но и между всѣми людьми старше тридцати лѣтъ съ одной стороны, и не достигшей двадцати лѣтъ молодежью съ другой. Такимъ образомъ, не только русская молодежь оказывалась въ необходимости бороться со своими родителями, — защитниками крѣпостного права, — но она сверхъ того видѣла, какъ ее совершенно покидаютъ ся старшія братья, не желавшіе присоединяться къ ихъ социалистическимъ стремленіямъ и боявшіеся даже оказать имъ поддержку въ борьбѣ за широкую политическую свободу. И я вопрошаю себя, былъ-ли когда-нибудь въ исторіи подобный слѣдующему: армія молодыхъ людей, вступающая въ борьбу съ такимъ страшнымъ врагомъ, какъ русское самодержавіе, и покинутая своими отцами и даже своими старшими братьями, хотя эти молодые люди стремились только провести въ жизнь то умственное наслѣдіе, которое досталось имъ отъ тѣхъ же самыхъ отцовъ и братьевъ. Была-ли когда-нибудь борьба, условія которой были бы болѣе трагичными?

III.

**Преобразовательное движеніе среди русской молодежи.—
Дѣятельность молодыхъ дѣвушечъ, ихъ горячее стремле-
ніе къ образованію.— Учрежденіе большого числа жен-
скихъ курсовъ.— Новая жизнь въ Старой Конюшенной.**

Единственной свѣтлой точкой, которую я отыскалъ въ Петербургской жизни, было движеніе, происходившее среди молодежи обоихъ половъ. Различныя теченія становились и производили сильное волненіе, которое скоро приняло скрытый и революціонный характеръ и привлекало къ себѣ вниманіе Россіи втеченіе послѣдовавшихъ 15-ти лѣтъ. Я буду говорить о немъ ниже; но здѣсь необходимо упомянуть о томъ движеніи, которое открыто опредѣлилось среди русскихъ женщинъ и имѣло предметомъ допущеніе ихъ въ высшія учебныя заведенія. Въ то время Петербургъ былъ главнымъ очагомъ этого движенія.

Каждый день молодая жена моего брата, по возвращеніи съ женскихъ педагогическихъ курсовъ, имѣла разсказать намъ что-нибудь новое по поводу царившаго тамъ оживленія. Разрабатывался тамъ проектъ объ открытіи женскаго медицинскаго института и женскихъ учи-

верситетовъ. Послѣ лекцій происходили пренія объ учебныхъ заведеніяхъ и различныхъ методахъ преподаванія, и этими вопросами страстно интересовались сотни женщинъ, споря о всѣхъ подробностяхъ ихъ на своихъ частныхъ совѣщаніяхъ. Основывались общества переводчицъ, издательницъ, труженицъ печатнаго дѣла и переплетчицъ, чтобы доставлять работу бѣднѣйшимъ членамъ этихъ братскихъ товариществъ. Ибо женщины толпами прибывали въ Петербургъ, готовая на всякій трудъ ради поддержки существованія и подкрѣпляемая надеждой въ свою очередь добиться когда-нибудь своей доли высшей умственной культуры. Дѣятельная, кипучая жизнь царствовала среди этихъ феминистокъ и представляла рѣзкій контрастъ со всѣмъ, что я встрѣчалъ кругомъ.

Такъ какъ правительство ясно заявило, что оно не допуститъ женщинъ въ уже существующіе университеты, онѣ прилагали всѣ усилія, чтобы добиться учрежденія для нихъ особыхъ университетовъ. Имъ говорили въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, что молодыя дѣвушки, окончившія женскія гимназіи, не достаточно подготовлены къ университетскому курсу. «Отлично, отвѣчали онѣ, разрѣшите намъ открыть переходные курсы для приготовленія въ университеты, и назначьте намъ какую вамъ угодно программу. Мы не просимъ у правительства никакой помощи. Дайте только разрѣшеніе, а мы беремъ на себя все остальное». Разумѣется, разрѣшенія дано не было.

Тогда онѣ открыли во всѣхъ частяхъ Петербурга частные курсы и салонныя публичныя лекціи. Нѣсколько

университетскихъ профессоровъ, сочувственно относившихся къ новому движенію, согласились читать имъ лекціи. Хотя и сами они были небогаты, они предупредили устроительницъ, что всякое предложеніе гонорара будетъ ими сочтено за личную обиду. Кромѣ того, каждое лѣто подъ руководствомъ профессоровъ университета обыкновенно дѣлались экскурсіи съ научными пѣльями по окрестностямъ Петербурга, и большая часть экскурсантовъ были женщины.

Тѣ, кто слушалъ курсъ акушерства, требовали отъ профессоровъ, чтобы послѣдніе говорили о каждомъ предметѣ подробнѣе, чѣмъ того требовала программа; онѣ заставляли читать дополнительные курсы. Онѣ пользовались всѣмъ, чѣмъ могли, пользовались всѣми трещинами крѣпости, чтобы атаковать послѣднюю. Онѣ добились допущенія въ анатомическую лабораторію старика д-ра Грубера, и дѣлали тамъ такіе успѣхи, что всецѣло привлекли на свою сторону увлекающагося анатома. Какъ только онѣ узнавали, что какой-нибудь профессоръ готовъ разрѣшить имъ работать въ его лабораторіи по воскресеньямъ и вечеромъ по буднямъ, онѣ пользовались разрѣшеніемъ и работали до глубокой ночи, въ будни и каждое воскресенье. Наконецъ, несмотря на препятствія, которыя имъ ставило министерство, онѣ открыли подготовительные курсы, только подъ названіемъ педагогическихъ курсовъ. Можно ли было, дѣйствительно, воспретить будущимъ матерямъ семействъ изученіе методовъ преподаванія? Но такъ какъ методы преподаванія ботаники и математики не могутъ быть ограничены от-

влеченной стороной, то въ программу педагогическихъ курсовъ включено было изученіе ботаники, математики и остального, и курсы эти стали подготовительными къ университету.

Такимъ образомъ женщины мало по малу расширяли круга своихъ правъ. Какъ только стало извѣстнымъ, что одинъ профессоръ одного изъ нѣмецкихъ университетовъ допускаетъ на свои лекціи нѣсколько женщинъ, русскія женщины постучались къ нему, и тоже получили разрѣшеніе. Онѣ изучали право и исторію въ Гейдельбергѣ и математику въ Берлинѣ. Въ Цюрихѣ болыне 100 молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ слушали курсъ въ университетѣ и въ политехнической школѣ. Тамъ онѣ пріобрѣли нѣчто болѣе цѣнное, чѣмъ званіе доктора медицины; онѣ пріобрѣли уваженіе ученическихъ профессоровъ, и послѣдніе постоянно заявляли это публично. Когда я въ 1872-мъ году пріѣхалъ въ Цюрихъ и познакомился только съ нѣсколькими студентками, я съ удивленіемъ увидѣлъ, что совсѣмъ молодыя дѣвушки, слушавшія курсъ въ политехнической школѣ, разрѣшали сложныя задачи теоріи теплоты съ помощью дифференціального численія также легко, какъ если бы онѣ изучали математику годами. Одна изъ этихъ русскихъ молодыхъ дѣвушекъ, изучавшая математику въ Берлинѣ подъ руководствомъ Вейерштрасса, Софія Ковалевская, стала выдающимся математикомъ и была призвана въ Стокгольмъ въ качествѣ профессора; это была, кажется, первая въ нашемъ вѣкѣ женщина, читавшая лекціи въ муж-

скомъ университетѣ. А она была такъ молода, что въ Швеціи ее называли не иначе, какъ Соня. Несмотря на открытую нелюбовь Александра II къ образованнымъ женщинамъ, — когда онъ на прогулкѣ встрѣчалъ молодую дѣвушку въ очкахъ и гарибальдйской шляпѣ, онъ начиналъ безпечноиться, думая, что это нигилистка, собирающаяся стрѣлять въ него, — несмотря на яростныя преслѣдованія политической полиціи, считавшей каждую студентку революціонеркой; несмотря на всѣ угрозы и низкія обвиненія, которыя Катковъ направлялъ противъ совокупности движенія почти въ каждомъ номерѣ своей ядовитой газеты, женщинамъ удалось, вопреки желанію правительства, открыть цѣлый рядъ высшихъ учебныхъ заведеній. Нѣкоторые изъ нихъ, получивъ заграничій званіе доктора, заставили правительство дать имъ разрѣшеніе открыть въ 1872-мъ году на свои собственные средства женскій медицинскій институтъ. И когда правительство отозвало русскихъ женщинъ изъ Цюриха, чтобы помѣшать имъ сносіться съ русскими революціонерами-эмигрантами, онѣ добились отъ него разрѣшенія основать въ Россіи четыре женскіе университета, которые вскорѣ стали насчитывать около 1,000 слушательницъ. Какъ это ни кажется невозможнымъ, достовѣрно, что несмотря на преслѣдованія, которыя пришлось вытерпѣть женскому медицинскому институту, несмотря на временное закрытіе его, въ настоящее время въ Россіи имѣется больше 670 женщинъ-врачей.

Это, безусловно, было очень сильное движеніе, успѣхъ

котораго былъ поразительный и вліяніе очень большое. Эти женщины выказали во всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ полную самоотверженность и этому то прежде всего онѣ и обязаны своимъ успѣхомъ. Они уже работали въ качествѣ сестеръ милосердія во время крымской войны, впоследствии были устроительницами школъ, горячо преданными своему дѣлу сельскими учительницами, образованными акушерками и фельдшерицами для оказанія помощи крестьянамъ. Во время турецкой кампаніи 1878-го года они поступили сидѣлками и врачами въ госпитали, гдѣ свирѣпствовалъ тифъ, и заслужили глубокое восхищеніе военныхъ начальниковъ и самого Александра II. Я знаю двухъ дамъ (обѣихъ очень дѣятельно разыскиваетъ полиція), которыя на войнѣ служили сидѣлками подъ вымышленными именами, подкрѣпленными фальшивыми паспортами; одна изъ нихъ, самая «преступная» изъ обѣихъ, принимавшая дѣятельное участіе въ моемъ побѣгѣ, была даже назначена главной сестрой милосердія большого госпиталя для раненыхъ, а ее подруга чуть не погибла отъ тифозной лихорадки. Словомъ, женщины принимали на себя всевозможныя обязанности, какъ бы низко послѣднія не стояли на общественной лѣстницѣ и какія бы лишенія онѣ за собой не влекли; и тутъ идетъ рѣчь не объ отдѣльных лицахъ, а объ сотняхъ и тысячахъ женщинъ. Онѣ свои права завоевали въ полномъ смыслѣ слова.

Другой чертой этого движенія было то, что расколъ, произошедшій между двумя поколѣніями,—старшими и младшими сестрами,—не существовалъ или по большей

части исчезъ. Тѣ, кто руководилъ движеніемъ съ самаго его возникновенія, никогда не порывали связей со своими младшими сестрами, хотя послѣднія въ своихъ взглядахъ заходили гораздо дальше нихъ.

Эти старшія сестры, преслѣдуя свои цѣли въ болѣе высокихъ сферахъ, строго держались въ сторонѣ отъ всякой политической агитаціи. Но онѣ никогда не сдѣлали той ошибки, чтобы забыть, что главная сила ихъ кроется въ массѣ болѣе молодыхъ женщинъ, многія изъ которыхъ кончили тѣмъ, что присоединились къ радикальнымъ и революціоннымъ кружкамъ. Эти главы движенія были воплощенной корректностью, — я считалъ ихъ даже слишкомъ корректными, — но онѣ никогда не порывали связей съ болѣе молодыми студентками, которыя, какъ настоящія нигилистки, носили короткіе волосы, презирали кринолинъ и своими манерами и поведеніемъ показывали свой демократизмъ. Руководительницы движенія не смѣшивались съ ними, и иногда происходили пререканія, но онѣ ни когда не отрекались отъ нихъ, и это, по моему мнѣнію, было очень знаменательнымъ явленіемъ въ ту эпоху яростныхъ гоненій.

Онѣ, казалось, говорили болѣе молодымъ и болѣе демократическимъ, чѣмъ онѣ сами, женщинамъ: «Мы будемъ по прежнему носить наши бархатныя платья и прически, потому что намъ приходится имѣть дѣло съ глушцами, которые въ бархатномъ платьѣ и въ прическѣ видятъ залогъ «политической благонадежности»; но вы, дѣвушки, можете сообразоваться съ своими вкусами и склонностями. Когда русскія студентки въ Цюрихѣ по-

лучили отъ правительства приказаніе вернуться въ Россію, эти корректныя дамы не обратились противъ роптавшихъ. Онѣ просто сказали правительству: «Вамъ это не нравится? Ну, такъ откройте тогда женскіе университеты въ Россіи; въ иномъ случаѣ наши дочери пойдутъ за границу еще въ большемъ числѣ, и, понятно, завяжутъ тамъ сношенія съ политическими эмигрантами». Когда ихъ упрекали, что онѣ воспитываютъ только революціонеровъ, когда имъ грозили закрытіемъ ихъ курсовъ и университетовъ, онѣ возражали: «Да, много студентовъ становится революціонерами, но неужели надо изъ-за этого закрывать университеты?» А какъ мало политическихъ главъ имѣетъ достаточно храбрости, чтобы не пойти противъ болѣе крайнихъ членовъ ихъ партіи!

Настоящій секретъ избраннаго ими умнаго отношенія, увѣнчавшагося такимъ успѣхомъ, заключается въ томъ фактѣ, что женщины, бывшія душой движенія, были просто феминистками, стремившимися отвоевать свою долю привилегированнаго положенія въ обществѣ и государствѣ. Наоборотъ. Симпатіи большинства ихъ шли къ народнымъ массамъ. Я вспоминаю дѣятельное участіе, которое принимала въ 1861-мъ году Н. В. Стасова, старый руководитель феминистической агитаціи, въ воскресныхъ школахъ, дружескія связи, которыя она и ея подруги завязывали съ работницами на фабрикахъ, интересъ, высказывавшійся ими къ суровой жизни этихъ молодыхъ дѣвушекъ внѣ школы, борьбу, которую онѣ вели противъ алчныхъ хозяевъ этихъ дѣвушекъ.

Помню я, какой живой интересъ показывали эти

женщины на своихъ педагогическихъ курсахъ къ сельскимъ школамъ и дѣятельности той небольшой группы людей, которые, подобно бар. Корфу, сѣумѣли въ теченіе нѣкотораго времени кое-что сдѣлать въ этомъ направленіи, и вспоминаю также тотъ социальный духъ, который царствовалъ на ихъ курсахъ. Права, за которыя боролась большая часть этихъ женщинъ, были не только правомъ на высокую личную культуру, но еще болѣе того правомъ работать съ пользою для народныхъ массъ. И этимъ-то объясняется ихъ успѣхъ.

За послѣдніе года. здоровье отца все болѣе и болѣе ухудшалось, и когда мы съ Александромъ въ 1881-мъ году навѣстили его, врачи сказали намъ, что онъ не переживетъ первыхъ холодовъ. Онъ продолжалъ попрежнему жить въ Старомъ Конюшенномъ кварталѣ, но вокругъ него все измѣнилось въ этой аристократической части города. Богатые землевладѣльцы, нѣкогда игравшіе тамъ главную роль, исчезли. Быстро растративъ суммы, полученныя ими въ выкупъ земель во время освобожденія крестьянъ, заложивъ и перезаложивъ свои земли въ новоучрежденныхъ земельныхъ банкахъ, пользовавшихся ихъ стѣсненнымъ положеніемъ, они кончили тѣмъ, что удалились въ деревню или провинціальныя города, и тамъ о нихъ вскорѣ забыли. Дома ихъ были заняты «новыми людьми», — богатыми купцами, строителями желѣзныхъ дорогъ, и т. д., — а во всѣхъ старинныхъ семьяхъ, оставшихся жить въ Старомъ Конюшенномъ кварталѣ, кипѣла новая жизнь и старалась утвердить свои права на развалинахъ старой. Единственнымъ обществомъ

моего отца были теперь нѣсколько отставныхъ генераловъ, метавшихъ молніи противъ новаго порядка вещей и облегчавшихъ свой гнѣвъ, предсказывая Россіи скорую и несомнѣнную гибель, какъ слѣдствіе новаго строя,— да еще нѣсколько родственниковъ, проѣзжавшихъ черезъ Москву. Изъ нашихъ многочисленныхъ родственниковъ, которыхъ въ мои молодые годы въ одной Москвѣ было у насъ около двадцати семействъ, въ столицѣ оставалось только двѣ семьи, да и онѣ были увлечены теченіемъ новой жизни, и матери ихъ разсуждали съ сыновьями и дочерьми о вопросахъ народныхъ школъ и женскихъ университетовъ. Отецъ смотрѣлъ на нихъ съ презрѣніемъ. Мачиха и моя младшая сводная сестра Полина, которыя не измѣнились, утѣшали его по мѣрѣ силъ своихъ; но и сами онѣ чувствовали себя чужими въ этой необычной средѣ.

Отецъ всегда относился жестоко и чрезвычайно несправедливо къ брату Александру, но Александръ былъ совершенно неспособенъ сердиться на кого бы то ни было. Войдя въ комнату больного отца, съ тѣмъ взглядомъ темносинихъ глазъ, проникающихъ и пріятливыхъ, и съ той улыбкой, въ которыхъ отражалась его безконечная доброта, онъ немедленно нашелъ, что нужно сдѣлать, чтобы удобнѣе устроить больного въ его креслѣ, и сдѣлалъ это такъ естественно, какъ будто онъ оставилъ эту комнату всего нѣсколько часовъ тому назадъ. Отецъ былъ пораженъ этимъ и смотрѣлъ на него, ничего не соображая. Наше посѣщеніе внесло немного жизни въ этотъ грустный и одинокій домъ; больной сталъ поль-

зоваться болѣе раціональнымъ уходомъ; мачиха, Полина и даже прислуга стали болѣе внимательными, и отецъ замѣтилъ эту перемену.

Однако, одна вещь его тревожила. Онъ рассчитывалъ, что мы возвратимся съ раскаяніемъ и будемъ молить его о помощи. Но когда онъ хотѣлъ навести разговоръ на этотъ предметъ, мы такъ весело прерывали его, говоря: «Не думайте объ этомъ; мы отлично идемъ себѣ своей дорогой», что онъ еще болѣе разочаровался. Онъ ожидалъ сцены въ старинномъ духѣ думая, что сыновья будутъ умолять его о прощеніи и попросятъ денегъ,—и, быть можетъ, одну минуту даже пожалѣлъ, что этого не произошло; но съ этого времени онъ возымѣлъ къ намъ большое уваженіе. Въ минуту отъѣзда мы все трое были сильно удручены. Онъ, какъ будто, почти боялся возвращенія прежняго мрачнаго одиночества среди развалинъ порядка, за который онъ стоялъ всю жизнь. Но Александру надо было вернуться къ мѣсту служенія, я же отправлялся въ Финляндію. Когда меня оттуда вызвали въ Москву, я страшно торопился,—но прибылъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда начинался похоронный обрядъ въ той самой, выкрашенной въ красный цвѣтъ, церкви, гдѣ отца крестили и гдѣ происходило отиѣваніе матери. Пока похоронное шествіе слѣдовало по улицамъ, каждый домъ которыхъ былъ мнѣ съ дѣтства близко знакомъ, я замѣтилъ, что дома мало измѣнились, но во всѣхъ нихъ началась новая жизнь.

Въ домѣ, который нѣкогда принадлежалъ нашей бабушкѣ со стороны отца, а потомъ княгинѣ Мирской, и

который былъ купленъ нѣкимъ генераломъ Н., стариннымъ жителемъ квартала, единственная дочь этой семьи выдерживала болѣзненную борьбу со своими родителями, людьми въ сущности славными, и обожающими дочь; но они упрямо не хотѣли позволить дочери слушать университетскіе курсы, которые только что были открыты въ Москвѣ для женщинъ. Въ концѣ концовъ она добилась разрѣшенія ходить туда, но ее возили въ шикарной каретѣ, въ сопровожденіи матери, которая храбро просиживала часами среди студентокъ, рядомъ со своей любимой дочкой; и все таки, несмотря на все эти заботы и мѣры предосторожности, дочь ея спустя нѣсколько лѣтъ поступила въ революціонную партію: ее арестовали и цѣлый годъ продержали въ Петропавловской крѣпости.

Напротивъ въ домѣ происходила жестокая борьба между двумя деспотами—главами семьи, графомъ и графиней Z., и ихъ дочерьми, которымъ надоѣло жить въ лѣнности, къ которой ихъ принуждали родители, и которыя хотѣли присоединиться къ другимъ молодымъ дѣвушкамъ, стремившимся свободной и счастливой толпой на университетскіе курсы. Борьба продолжалась годъ. На этотъ разъ родители не уступили и въ результатѣ старшая отравилась; тогда младшей позволили слѣдовать своимъ склонностямъ.

Однажды я съ Чайковскимъ пришелъ въ сосѣдній домъ, гдѣ жило втеченіе года наше семейство и гдѣ было теперь назначено первое тайное собраніе одного кружка, основаннаго нами въ Москвѣ; и я вновь узналъ комнаты, которыя такъ близко знакомы были мнѣ въ дѣтствѣ и

гдѣ я дышалъ столь отличной отъ настоящей атмосферой. Домъ этотъ принадлежалъ теперь семьѣ Натальи Армфельдъ, столь симпатичной ссыльной Кары, о которой такъ трогательно говоритъ Кенанъ въ своей книгѣ о Сибири.

А въ домѣ, расположенномъ только на нѣсколько шаговъ дальше того, гдѣ умеръ отецъ, и всего лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его кончины, я принималъ Степняка, переодѣтаго крестьяниномъ; онъ только что убѣжалъ изъ одной деревни, гдѣ его арестовали за социалистическую пропаганду среди крестьянъ.

Таковы были перемѣны, произошедшія въ Старомъ Конюшенномъ кварталѣ за послѣднія 15 лѣтъ. Новый духъ проникъ даже въ послѣднее укрѣпленіе стараго дворянства.

IV.

Я ввожу контрабандой запрещенныя книжки.—Нигилизмъ.—Движеніе «въ народъ».—Кружокъ Чайковскаго.—Политическія и общественныя теченія.—Отсутствіе надежды на реформы.—Молодежь защищаетъ Царя.

Во время моего заграничнаго путешествія въ 1872-мъ году я купилъ нѣкоторое количество книгъ и коллекцій соціалистическихъ журналовъ. Въ Россіи этотъ родъ литературы былъ строго запрещенъ цензурой; между тѣмъ инныя изъ этихъ коллекцій журналовъ, нѣкоторыя изъ этихъ отчетовъ о международныхъ конгрессахъ были чрезвычайно рѣдки и найти ихъ было почти невозможно, даже въ Бельгіи и за большія деньги. «Неужели оставить ихъ, зная, какое удовольствіе доставитъ чтеніе ихъ въ Петербургѣ моему брату и друзьямъ?», спрашивалъ я себя, и рѣшилъ такъ или иначе провезти ихъ въ Россію. Я возвращался въ Петербургъ черезъ Вѣну и Варшаву. На польской границѣ промышляютъ контрабандой сотни евреевъ, и я полагалъ, что если отыщу хоть одного изъ нихъ, мои книги совершенно безопасно будутъ провезены черезъ границу. Однако, я считалъ непрактичнымъ выйти

на какой-нибудь маленькой станціи не доѣзжая границы и искать тамъ контрабандиста, въ то время какъ остальные пассажиры будутъ продолжать путь; въ виду этого я по боковой вѣткѣ отправился въ Краковъ. «Бывшая столица Польши лежитъ около границы, думалъ я, и тамъ навѣрное найдется какой-нибудь еврей, который приведетъ меня къ разыскиваемымъ мною людямъ».

Въ этотъ, нѣкогда знаменитый и цвѣтущій, городъ я пріѣхалъ вечеромъ и на слѣдующее же утро началъ кампанію. Къ великому моему удивленію, на каждомъ перекресткѣ и всюду, куда я обращалъ свой взоръ на базарной площади, впрочемъ пустынной, я видѣлъ какого-нибудь еврея въ традиціонномъ плащѣ и съ длинными волосами, завѣщанными предками; все они ждали, чтобы какой-нибудь польскій баринъ или купецъ послалъ ихъ, за мелкую монету, съ тѣмъ или другимъ порученіемъ. Мнѣ хотѣлось найти *одного* такого; а оказалось, что ихъ даже слишкомъ много. Къ которому обратиться? Я обошелъ весь городъ и въ концѣ концовъ съ отчаянія рѣшился подойти къ тому, что стоялъ около входной двери моей гостиницы, — стараго, огромнаго дворца, залы котораго нѣкогда полны были изящной толпой танцоровъ въ парадныхъ одеждахъ, а теперь имѣли прозаическое назначеніе доставлять кровь и столъ немногочисленнымъ случайнымъ проѣзжающимъ. Я объяснилъ своему человѣку мое намѣреніе ввезти контрабандой въ Россію довольно тяжелый тюкъ книгъ и журналовъ.

— «Нѣтъ ничего легче, баринъ», отвѣтилъ онъ. «Я сейчасъ пошлю вамъ представителя Всемірной Компаніи

(скажемъ) костей и тряпья. Эта компанія устраиваетъ самыя крупныя контрабандныя предпріятія всего міра, и ея представитель навѣрное будетъ вамъ полезенъ». Черезъ полчаса онъ дѣйствительно вернулся въ сопровожденіи представителя компаніи, — очень элегантнаго молодого человека, великолѣпно говорившаго по русски, по нѣмецки и по польски.

Онъ осмотрѣлъ мой тюкъ, взвѣсилъ его рукой, и спросилъ, какія въ немъ запакованы книги.

— Всякія, строжайше запрещенныя русской цензурой; вотъ отчего ихъ надо провезти контрабандой.

Книги, сказалъ онъ, собственно говоря не относятся къ нашей отрасли торговли; мы главнымъ образомъ дѣлаемъ дѣла съ цѣнными шелковыми матеріями. Если бы мнѣ надо было заплатить своимъ людямъ по вѣсовому разсчету, прилагая нашъ тарифъ для шелка, то я оказался бы вынужденнымъ запросить съ васъ поистинѣ несообразную цѣну. И потомъ, по правдѣ сказать, я не очень люблю имѣть дѣло съ книгами. Случись хоть что-нибудь, *они* сдѣлаютъ изъ этого политическое дѣло и Всемирной Компаніи костей и тряпья будетъ стоять бѣшеныхъ денегъ выпутаться изъ этой исторіи».

Видъ у меня, должно быть, былъ очень грустный, такъ какъ элегантный молодой человекъ, представлявшій Всемирную Компанію костей и тряпья, сейчасъ-же прибавилъ: «Не тревожьтесь, онъ (коммисіонеръ гостиницы) найдетъ другой способъ, какъ устроить вамъ ваше дѣло».

— «Да, конечно; такую мелочь можно устроить двадцатью способами, чтобы угодить барину», весело замѣтилъ комиссіонеръ, уходя отъ меня.

Черезъ часъ онъ вернулся съ другимъ молодымъ человекомъ. Послѣдній взялъ мой тюкъ, положилъ его у двери и сказалъ: «Ладно. Если вы ѣдете завтра, то найдете свои книги на такой-то русской станціи», и онъ тутъ-же объяснилъ мнѣ, какъ устроить это.

— «Сколько это будетъ стоить?» спросилъ я.

— «А сколько вы готовы дать?», возразилъ онъ.

Я высыпалъ на столъ содержимое своего кошелька со словами:

— «Вотъ сколько нужно мнѣ на дорогу. Остальное можете взять себѣ. Я поѣду въ третьемъ классѣ».

— «Какъ такъ! воскликнули въ одинъ голосъ оба моихъ собесѣдника, что вы говорите, баринъ? Чтобы такой вельможа, какъ вы, ѣхалъ въ третьемъ классѣ? Никогда въ жизни! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, это невозможно. Съ насъ будетъ и восьми рублей, да рубль, если ужъ вы такой добрый, комиссіонеру, — въ этомъ ужъ мы на васъ полагаемся. Мы не разбойники съ большой дороги, а честные коммерсанты». И они на отръзъ отказались взять больше.

Мнѣ нерѣдко приходилось слышать о честности пограничныхъ контрабандистовъ-евреевъ; но я никакъ не ожидалъ, что наткнуусь на такое проявленіе ея. Позже, когда нашъ кружокъ ввозилъ изъ-за границы много книгъ, или еще позже, когда столько революціонеровъ и эмигрантовъ тайно переходили границу, направляясь въ Рос-

сію или изъ нея, ни разу не было примѣра, чтобы контрабандисты хоть одного изъ нихъ предали или чтобы они воспользовались обстоятельствами для требованія чрезмѣрной платы за свои услуги.

На слѣдующій день я покинулъ Краковъ; и на указанной мнѣ русской станціи къ моему купе подошелъ посылщикъ и громко, такъ, чтобы его могъ слышать жандармъ, прохаживавшійся вдоль платформы, сказалъ мнѣ: «Вотъ чемоданъ, который Вамѣ Сіятельство вчера оставили здѣсь», и при этомъ передалъ мнѣ драгоценный тюкъ.

Я такъ радъ былъ ему, что даже не остановился въ Варшавѣ и продолжалъ безъ остановокъ свой путь до самаго Петербурга, чтобы показать брату свои трофеи.

Въ это время среди развитой русской молодежи росло сильное броженіе. Крѣпостное право было отмѣнено. Но въ теченіи 250-ти лѣтъ его существованія образовался цѣлый рядъ привычекъ домашняго рабства, виѣшняго пренебреженія человѣческой личностью, деспотизма со стороны отцовъ и притворной покорности со стороны жень, сыновей и дочерей. Въ началѣ столѣтія въ Европѣ, какъ о томъ свидѣлствуютъ сочиненія Теккерея и Диккенса, повсюду царствовалъ въ высшей степени сильный семейный деспотизмъ, но нигдѣ эта тираннія не получила такого значительнаго развитія, какъ въ Россіи. Отпечатокъ ее носила вся русская жизнь, въ семьѣ, въ отношеніяхъ между начальниками и подчиненными, между офицерами и солдатами, хозяевами и служащими. Мало по малу создался цѣлый міръ привычекъ, образа мыслей,

предразсудковъ и нравственной трусости, обычаевъ, порожденныхъ жизнью въ лѣности, и даже лучшіе люди того времени въ широкой мѣрѣ платили дань этимъ продуктамъ крѣпостническихъ временъ.

Законъ относительно всего этого безсиленъ. Только мощное общественное движеніе въ состояніи было преобразовать привычки и нравы повседневной жизни, поражая зло въ самомъ корнѣ; и въ Россіи это движеніе, — это возмущеніе личности, — приняло гораздо болѣе энергическій и страстный въ своей критикѣ существующаго порядка вещей характеръ, нежели въ какой-бы то ни было другой странѣ западной Европы и Америки. Тургеневъ въ своемъ знаменитомъ романѣ *Отцы и дѣти* называлъ это движеніе *нигилизмомъ*, и это имя за нимъ было всеми оставлено.

Движеніе это нерѣдко ложно понималось въ Зап. Европѣ. Въ печати, напр., смѣшивали нигилизмъ съ терроризмомъ. Революціонныя волненія, вспыхнувшія въ Россіи къ концу царствованія Александра II-го и закончившіяся его трагической кончиной, постоянно называются именемъ нигилизма. Тѣмъ не менѣе, это ошибочно. Смѣшивать нигилизмъ съ терроризмомъ — заблужденіе столь же важное, какъ отождествлять философское движеніе, какъ стоицизмъ или позитивизмъ, съ движеніемъ политическимъ, напр. съ республиканизмомъ.

Терроризмъ появился подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ особыхъ условій политической борьбы, въ извѣстный историческій моментъ. Онъ существовалъ и исчезъ. Онъ можетъ снова возродиться и опять исчезнуть. Нигилизмъ-

же наложилъ свой отпечатокъ на всю жизнь интеллигентныхъ классовъ Россіи, и отпечатокъ этотъ останется на много лѣтъ. Именно нигилизмъ, очищенный отъ всего, что было въ немъ преувеличеннаго,—а крайности были неизбѣжны въ такого рода движеніи, созданномъ молодежью,—еще по сю пору придасть жизни большей части образованныхъ классовъ Россіи извѣстный особенный характеръ, котораго мы, русскіе, съ сожалѣніемъ не находимъ въ жизни зап. Европы. Онъ-же, нигилизмъ, въ своихъ разнородныхъ проявленіяхъ, сообщаетъ большинству нашихъ писателей ту удивительную искренность, ту привычку «думать вслухъ», которая поражаетъ западныхъ читателей. Прежде всего нигилистъ объявлялъ войну всему, что можно обозначить словами «условная ложь цивилизованнаго общества». Его отличительной чертой была безусловная искренность, и во имя этой искренности онъ и самъ отрекался, и отъ другихъ требовалъ отреченія отъ суевѣрій, предразсудковъ и привычекъ, которыхъ ихъ собственный разумъ не въ состояніи былъ обосновать. Онъ отказывался отъ подчиненія какому бы то ни было авторитету, кромѣ разума, и въ анализѣ каждаго соціальнаго установленія или привычки онъ возставалъ противъ всякаго рода софизмовъ, болѣе или менѣе замаскированныхъ.

Разумѣется, онъ порывалъ съ суевѣрными воззрѣніями отцовъ, и его философскіе взгляды сходились съ позитивизмомъ, агностицизмомъ, эволюціонизмомъ вродѣ Спенсеровскаго или съ научнымъ матеріализмомъ; и никогда не падая на простую и искреннюю религіозность,

когда она является душевной потребностью чувствующаго существа, онъ жестоко боролся съ ханжествомъ, заставляющимъ людей одѣвать маску религіозности, которую они ежеминутно отбрасываютъ отъ себя прочь, какъ ненужную имъ обузу.

Жизнь цивилизованныхъ народовъ полна этими случаями мелкой условной лжи. Встрѣчаясь на улицѣ, люди, которые не въ состояніи выносить другъ друга, принимаютъ сіяющій видъ и радостно улыбаются; нигилистъ оставался холоденъ и улыбался лишь тѣмъ, кого онъ дѣйствительно радъ былъ встрѣтить.

Все эти формы наружной вѣжливости, представляющіе одно лишь притворство, были ему противны, и въ противовѣсъ плоской любезности отцовъ онъ нарочно показывалъ нѣкоторую грубость манеръ. Онъ видѣлъ, что отцы на словахъ притворяются чувствительными идеалистами и въ то-же время обращаются со своими женами, дѣтьми и крѣпостными, какъ настоящіе варвары; и онъ возставалъ противъ такого сентиментализма, такъ хорошо уживающагося съ условіями жизни, ничего идеальнаго въ себѣ не заключающими.

Къ искусству эта отрицающая критика относилась не менѣе строго. Вся эта постоянная болтовня о красотѣ, идеалѣ, искусствѣ для искусства, эстетикѣ и т. д., болтовня, которой такъ охотно занимались въ то время, какъ за каждый предметъ искусства платили деньгами, выжатыми изъ голодающихъ крестьянъ или нищенски-вознаграждаемыхъ рабочихъ, и въ то время, какъ такъ называемый «культъ красоты» служилъ лишь маской, при-

крывающей самую низкую нравственную развращенность,—эта болтовня внушала ему лишь отвращение: и та критика искусства, которую позднее так поразительно сформулировал один из величайших художников века, Толстой, выражалась нигилизмом въ слѣдующемъ категорическомъ утвержденіи: «Нара сапогъ пораздо цѣннѣе, нежели все ваши Мадонны и все ваши утопченныя разсужденія о Шекспирѣ».

Всякій бракъ безъ любви, всякая короткость безъ дружбы осуждалась въ равной мѣрѣ. Молодая дѣвушка-нигилистка, которую родители принуждали быть куколкой въ «кукольномъ домѣ» и выходить замужъ изъ за денегъ, предпочитала лучше покинуть домъ и шелковые паряды; она одѣвала очень простое черное шерстяное платье, стригла себѣ волосы и шла въ университетъ, чтобы имѣть возможность жить самостоятельной жизнью. Женщина, замѣчавшая, что ея бракъ пересталъ быть бракомъ, — что ни любовь, ни дружба не соединяютъ больше тѣхъ, кто по закону оставался мужемъ и женой, — предпочитала разорвать узы, потерявшія свой существенный характеръ; и часто она брала дѣтей и уходила, смѣло взирая на бѣдственное будущее, предпочитая одиночество и нужду чисто условной жизни, которая стала-бы непрерывнымъ противорѣчіемъ ея собственной личности.

Это стремленіе къ искренности нигилистъ проводилъ вплоть до самыхъ мелкихъ подробностей повседневной жизни. Онъ отстранялъ отъ себя принятыя въ обществѣ, условныя формы разговора и выражалъ свои взгляды

просто и безъ прикрасть, и даже съ нѣкоторой наружною, показной грубостью.

Въ Иркутскѣ мы имѣли привычку разъ въ недѣлю собираться въ общественномъ собраніи и танцовать. Нѣкоторое время я былъ неизмѣннымъ посѣтителемъ этихъ вечеровъ, но мало-по-малу, занятый работою, я пересталъ бывать на нихъ. Однажды, на одномъ изъ нихъ, послѣ того какъ я не показывался тамъ нѣсколько недѣль подрядъ, одна изъ присутствующихъ дамъ спросила у одного молодого человѣка, моего пріятеля, отчего я не хожу больше на ихъ собранія. «Онъ теперь ѣздитъ верхомъ, когда ему хочется движенія», — цѣлного грубо отвѣчалъ мой пріятель.

— «Но онъ могъ-бы и не танцуя провести съ нами нѣсколько часовъ», — позволила себѣ замѣтить одна дама.

— «Что ему здѣсь дѣлать?» — возразилъ ей мой пріятель-нигилистъ. «Болтать съ вами о модахъ и тряпкахъ? Эти глупости ему надобли».

— «Однако, онъ изрѣдка бываетъ у г-жи ***», робко замѣтила одна изъ присутствующихъ молодыхъ дамъ. — «Правда, г-жа *** трудолюбивая дѣвушка, — сухо отвѣтилъ мой пріятель, — онъ помогаетъ ей учиться по нѣмецки». Долженъ добавить, что этотъ очевидно грубый отпоръ возымѣлъ то дѣйствіе, что Иркутскія барышни сейчасъ-же стали осаждать насъ, — брата, пріятеля, и меня, — вопросами, что мы имъ совѣтуемъ читать или изучать. — Нигилистъ со всеми своими знакомыми разговаривалъ съ одинаковой откровенностью, высказывая имъ,

что ихъ болтовня о «бѣдныхъ» остается однимъ пустымъ притворствомъ, пока они будутъ жить на счетъ дурно оплачиваемаго труда этихъ людей, которыхъ имъ очень удобно жалѣть, болтая въ своихъ богато разукрашенныхъ гостинныхъ. И съ той-же откровенностью нигилистъ заявлялъ высокопоставленному сановнику, что онъ, сановникъ, не только нисколько не заботится о благе своихъ подчиненныхъ, но наоборотъ, но правдѣ сказать, воръ.

Съ извѣстной грубостью нигилистъ упрекалъ женщину за ея любовь къ пустой болтовнѣ и за то, что она кичится своимъ изыществомъ и изысканными туалетами, и говорилъ безъ обиняковъ барышнѣ: «Какъ вамъ не стыдно говорить такія глупости и носить фальшивые волосы?» Онъ желалъ видѣть въ женщинѣ товарища, человека, а не куклу, не манекенъ, и наотрѣзъ отказывался оказывать тѣ мелкія услуги вѣжливости, которыми мужчины окружаютъ тѣхъ, кого они такъ любятъ считать «слабымъ поломъ».

Если дама входила въ гостинную, нигилистъ не спѣшилъ встать и предложить ей свое мѣсто, если только она не выглядѣла усталой и больше въ компанію не на что было сѣсть. Онъ относился къ ней также, какъ къ товарищу своего пола; но если женщина, хотя-бы совершенно ему незнакомая, выражала желаніе научиться чему-нибудь, что онъ зналъ, а она нѣтъ, тогда онъ безъ всякихъ колебаній каждый вечеръ ходилъ на другой конецъ города, чтобы помочь ей въ занятіяхъ. Молодой человекъ, который не двинулся бы съ мѣста для того,

чтобы подать дамъ чашку чая, предоставлялъ дѣвущкѣ, пріѣхавшей въ Москву или Петербургъ учиться, единственный частный урокъ, который ему удалось найти и который доставлялъ ему скудное пропитаніе. Онъ очень просто говорилъ ей: «мужчинѣ легче найти работу, чѣмъ женщинѣ. Въ моемъ предложеніи нѣтъ ничего рыцарскаго: это только вопросъ равенства».

Два великихъ русскихъ романиста, Тургеневъ и Гончаровъ, пытались изобразить въ своихъ романахъ этотъ новый типъ. Гончаровъ въ «Обрывѣ» нарисовалъ карикатуру нигилиста, взявши лицо, которое, правда, въ дѣйствительности существовало, но никоимъ образомъ не могло представлять типъ нигилиста. Тургеневъ былъ слишкомъ крупнымъ художникомъ и слишкомъ восторгался этимъ новымъ типомъ, чтобы позволить себѣ сдѣлать карикатуру его: и все-таки его нигилистъ, Базаровъ, насъ не удовлетворялъ. Мы находили его слишкомъ жестокимъ, особенно по отношенію къ старымъ родителямъ. и въ особености упрекали его за то, что онъ, казалось, пренебрегалъ своими гражданскими обязанностями. Русская молодежь не могла удовольствоваться чисто-отрицательнымъ характеромъ Тургеневскаго героя. Нигилизмъ, провозглашая права личности и осуждая всякое притворство, былъ лишь первымъ шагомъ по направленію къ болѣе высокому типу мужчинъ и женщинъ, въ равной мѣрѣ свободныхъ и посвящающихъ свою жизнь великому дѣлу. Гораздо вѣрнѣе изображены нигилисты въ мужскихъ и женскихъ лицахъ романа Чернышевскаго «Что дѣлать?», романъ, конечно, невысокихъ художествен-

ныхъ качествъ, но имѣвшимъ, въ виду содержащихся въ немъ мыслей, огромное вліяніе на русскую молодежь.

Горекъ хлѣбъ крестьянскій, писалъ нашъ поэтъ Некрасовъ; молодое поколѣніе твердо отказывалось ѣсть этотъ хлѣбъ и пользоваться богатствами, собранными въ родительскомъ домѣ трудами крѣпостныхъ, будь рабочіе настоящими крѣпостными или наемными рабами существующаго промышленнаго строя.

Изъ обвинительнаго акта, представленнаго суду по дѣлу Каракозова и его друзей, вся Россія съ удивленіемъ узнала, что эти молодые люди, владѣльцы значительныхъ состояній, жили по три и по четыре вмѣстѣ въ одной комнатѣ, расходуя на свое содержаніе не больше 10 руб. въ мѣсяцъ каждый, и отдавая все свои деньги потребительнымъ и производительнымъ коопераціямъ, въ которыхъ сами работали, и другимъ учрежденіямъ того же рода. Пять лѣтъ спустя этому примѣру стали слѣдовать многія тысячи молодыхъ людей, — лучшая часть русской молодежи. Ихъ лозунгомъ былъ кличъ: «въ народъ!»

Съ 1860-го года въ каждой богатой семьѣ завязалась жестокая борьба между отцами, которымъ хотѣлось сохранить старые обычаи, и сыновьями и дочерьми, защищавшими свое право устраивать свою жизнь согласно ихъ собственнымъ идеаламъ. Молодые люди оставляли военную службу, контору, мастерскую и устремлялись въ университетскіе города. Молодые дѣвушки изъ самыхъ аристократическихъ семействъ пріѣзжали безъ гроша денегъ въ Петербургъ, въ Москву и Кіевъ, страстно же-

лая выучиться какому-нибудь занятію, которое освободило-бы ихъ отъ ига семьи, а когда-нибудь, быть можетъ, и отъ ига мужа. Многимъ изъ нихъ послѣ жестокой и упорной борьбы удавалось приобрѣсти эту личную свободу. Тогда они старались ее не использовать не для своего личного удовольстворенія, а для того, чтобы передать народу тѣ знанія, которыя имъ самимъ дали свободу.

Въ каждомъ русскомъ городѣ, въ каждомъ кварталѣ Петербурга образовывались небольшіе кружки молодежи, чтобы взаимно развивать и поучать другъ друга. Въ этихъ кружкахъ читались философскіе труды, сочиненія экономистовъ, изслѣдованія молодой русской исторической школы, и за этими чтеніями слѣдовали нескончаемые споры. Цѣлью всѣхъ этихъ чтеній и споровъ было стремленіе разрѣшить тотъ великій вопросъ, который господствовалъ надо всѣми остальными: чѣмъ молодежь можетъ быть полезной массамъ? Мало по малу они приходили къ убѣжденію, что единственнымъ способомъ было устроиться среди простого народа и жить его жизнью. И вотъ молодые люди шли въ деревни въ качествѣ врачей, фельдшеровъ, учителей, писарей, даже въ качествѣ земледѣльцевъ, кузнецовъ, дровосѣковъ и т. д..., и старались жить тамъ, близко соприкасаясь съ крестьянами. Молодые дѣвушки держали экзамены на учительницъ, учились ремеслу акушеровъ, сидѣлокъ и сотнями отправлялись въ деревни, тѣломъ и душой отдаваясь бѣднѣйшей части населенія.

Они шли туда безъ какого бы то ни было идеала соціальной реформы, безъ малѣйшихъ революціонныхъ

намѣреній; а исключительно съ цѣлью научить массу крестьянъ грамотѣ, развивать ихъ, оказывать имъ медицинскую помощь и такъ или иначе помочь имъ выйти изъ мрака невѣжества и нищеты, и въ то же время узнать отъ этихъ массъ, каковъ ихъ любимый идеалъ о лучшемъ общественномъ строѣ жизни.

По своемъ возвращеніи изъ Швейцаріи я нашелъ это движеніе въ полномъ разгарѣ.

Разумѣется, я успѣшилъ подѣлиться съ друзьями своими впечатлѣніями объ Интернаціональномъ товариществѣ работниковъ и дать имъ мои книги. Въ Университетѣ у меня, собственно говоря, не было друзей; я былъ старше возрастомъ, чѣмъ большая часть моихъ товарищей, а между молодыми людьми разница цѣсколькихъ лѣтъ въ возрастѣ всегда служить препятствіемъ къ полному сближенію. Надо къ тому же сказать, что со времени введенія новыхъ правилъ о поступленіи въ университеты, съ 1861-го года, лучшіе молодые люди, самые развитые и самые независимые въ умственномъ отношеніи, исключались изъ гимназій и не допускались въ Университетъ. Въ виду этого большая часть моихъ товарищей были слабые малые, трудолюбивые, быть можетъ, но не интересовавшіеся ничѣмъ, кромѣ своихъ экзаменовъ.

Подружился я только съ однимъ изъ нихъ. Назовемъ его Дмитріемъ Кельницомъ. Онъ происходилъ съ юга Россіи, и, несмотря на свое нѣмецкое имя, плохо говорилъ по нѣмецки; да и лицо его скорѣе было южно-русскимъ, чѣмъ тевтонскимъ. Онъ былъ очень уменъ, много читалъ и основательно обдумывалъ прочитан

науку и глубоко поклонялся ей; но, подобно многимъ изъ насъ, скоро заключилъ, что, избравъ научную дѣятельность, только увеличить ряды филистимлянъ, и что существуетъ множество другихъ, гораздо болѣе нужныхъ дѣлъ, которымъ онъ могъ бы посвятить себя. Два года онъ пробылъ въ университетѣ, а потомъ вышелъ изъ него, чтобы всецѣло отдаться социальному дѣлу. Какъ онъ добывалъ себѣ средства къ жизни, не знаю; не знаю даже, была ли у него постоянная квартира. Отъ времени до времени онъ приходилъ ко мнѣ и спрашивалъ: «Есть у васъ бумага?», бралъ запасъ послѣдней и, устроившись на уголкѣ стола, часъ или два работалъ надъ какимъ-нибудь переводомъ. То малое, что онъ такимъ путемъ зарабатывалъ, было болѣе чѣмъ достаточно для удовлетворенія его скромныхъ потребностей. Потомъ онъ бѣжалъ въ отдаленную часть города, чтобы повидать товарищей или помочь нуждающемуся другу: или же шелъ иѣшкомъ черезъ весь Петербургъ, чтобы на дальней окраинѣ выхлопотать стипендію въ гимназій мальчику, въ которомъ принимали участіе товарищи. Сноспособности у него безусловно были очень большія. Въ Зап. Европѣ и менѣе одаренному человѣку удалось бы стать во главѣ политической или социалистической партіи. Но Кельнцу такая мысль никогда и въ голову не приходила. У него никогда не было стремленія руководить людьми и нѣтъ той работы, какъ-бы она ни была ничтожна, за которую онъ не брался-бы. Надо сказать, впрочемъ, что эта черта характера не составляла его личной особености; всѣ, кто провелъ нѣсколько лѣтъ

въ студенческой средѣ того времени, отличались ею въ высокой степени.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія Кельницъ предложилъ мнѣ вступить въ кружокъ, извѣстный въ то время среди молодежи подъ именемъ «кружка Чайковского». Подъ этимъ именемъ онъ сыгралъ важную роль въ исторіи русскаго общественнаго движенія и подъ этимъ именемъ память о немъ перейдетъ къ потомству. «Члены его, сказали мнѣ Кельницъ, до сихъ поръ въ большинствѣ были конституціоналистами; но это прекрасные люди, сочувствующіе всякой честной мысли; у нихъ много друзей повсюду въ Россіи и вы потомъ увидите, какую пользу извлечете изъ нихъ». Я уже зналъ Чайковского и нѣкоторыхъ другихъ членовъ этого кружка. Чайковский плѣнилъ меня съ первой же встрѣчи и съ тѣхъ поръ наша дружба оставалась неизмѣнной втеченіе двадцати семи лѣтъ.

Вначалѣ кружокъ этотъ состоялъ всего лишь изъ небольшой кучки молодыхъ людей и женщинъ, — одной изъ послѣднихъ была Софья Перовская, — которые соединились съ цѣлью взаимно учить и развивать другъ друга. Въ немъ участвовалъ и Чайковский. Въ 1869-мъ году Печаевъ пытался основать тайное революціонное общество среди молодежи, стремившейся, какъ мною сказано выше, работать въ народѣ; и для достиженія своей цѣли онъ примѣнялъ средства заговорщиковъ старыхъ временъ, не отступая даже передъ ложью, когда еще надо было принудить своихъ товарищей къ послушанію.

Такія дѣйствія не могли имѣть успѣха въ Россіи,

и немного времени спустя общество это прекратило существованіе. Почти все члены его были арестованы, и нѣкоторые изъ нихъ, самые лучшіе и чистые изъ всехъ русскихъ молодыхъ людей, были сосланы въ Сибирь раньше, чѣмъ что бы то ни было сдѣлали. Кругокъ самообразованія, о которомъ я говорю, созданъ въ противовѣсъ образу дѣйствій Нечаева. Нѣсколько друзей очень здраво разсудили, что всякая организація должна быть основана на духовномъ развитіи ея членовъ, какую-бы политическую окраску ни суждено было принять этой организаціи въ будущемъ и какую-бы программу она ни поставила себѣ подъ вліяніемъ хода событій. Вотъ почему кругокъ Чайковскаго, постепенно развивая свою программу, получилъ такое значительное распространеніе въ Россіи, и далъ столь важные результаты; вотъ почему позднѣе, когда звѣрскія преслѣдованія правительства вызвали революціонную борьбу, онъ далъ замѣчательную групу мужчинъ и женщинъ, павшихъ въ страшномъ бою, въ который они осмѣлились вступить съ самодержавіемъ.

Но въ описываемое время, — т. е. въ 1872 г., — кругокъ совершенно не былъ революціоннымъ. Оставаясь онъ простымъ кругкомъ взаимнаго обученія, онъ закоснѣлъ-бы въ монастырской неподвижности. Но члены его нашли себѣ достаточно дѣла. Они стали распространять хорошія книги. Они покупали сочиненія Лассалля, Берви (о положеніи рабочаго класса въ Россіи, и т. н.), Маркса, труды по русской исторіи, и т. д., покупали сразу все изданіе, и раздавали книги эти провинціаль-

нымъ студентамъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ во всѣхъ «тридцати восьми областяхъ Россійской Имперіи», говоря оффиціальнымъ языкомъ, не осталось ни одного маломальски значительнаго города, гдѣ-бы у кружка не было группы товарищей, работающихъ надъ распространеніемъ этого рода литературы. Мало-по-малу, слѣдуя общему ходу событій, и поощряемый извѣстіями, приходившими къ нему изъ зап. Европы о быстромъ распространеніи рабочаго движенія, кружокъ все болѣе и болѣе становился очагомъ социалистической пропаганды между развитой молодежю и естественнымъ посредникомъ между многочисленными провинціальными кружками. И тогда наступилъ день, когда ледъ между студентами и рабочими растаялъ, и между кружкомъ и рабочими Петербурга, а также и нѣкоторыхъ провинціальныхъ городовъ, установились непосредственныя сношенія. Вотъ при какихъ условіяхъ вступилъ я въ кружокъ весной 1872-го года.

Въ Россіи всѣ тайныя сообщества подвергаются жестокимъ гоненіямъ, и западный читатель, быть можетъ, ждетъ отъ меня описанія моего посвященія и принесенной мной клятвы вѣрности. Я принужденъ разочаровать его, такъ какъ ничего подобнаго не существовало и существовать не могло. Мы первые подняли-бы на смѣхъ подобныя церемоніи, и Кельницъ не пропустилъ бы случая вставить одно изъ своихъ саркастическихъ замѣчаній, которое положило-бы конецъ всякой обрядности. Не было даже устава. Кружокъ принималъ въ число своихъ членовъ только лицъ, хорошо ему извѣст-

ныхъ, въ разныхъ случаяхъ показавшихъ себя, и относительно которыхъ онъ былъ увѣренъ, что имъ можно слѣпо довѣриться. Малѣйшій признакъ двуличности или тщеславія, замѣченный въ кандидатѣ, помѣшалъ-бы принятію его. Кружокъ не придавалъ значенія количеству своихъ членовъ, и у него также не было стремленія обнять всю дѣятельность, проявляемую молодежью, или объединить въ одинъ союзъ многочисленные разные кружки, существовавшіе въ обѣихъ столицахъ и въ провинціи. Онъ находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ большинствомъ ихъ; они взаимно поддерживали другъ друга, когда въ этомъ оказывалась нужда, но на ихъ самостоятельность никто не пытался посягнуть.

Кружокъ предпочиталъ оставаться кучкой тѣсно связанныхъ дружбой людей; и нигдѣ я не встрѣчалъ группы мужчинъ и женщинъ, выше стоящихъ въ духовномъ отношеніи, чѣмъ тѣ 20 или 25 лицъ, съ которыми я познакомился на первомъ собраніи кружка Чайковского. Я до сихъ поръ горжусь тѣмъ, что былъ принятъ въ эту семью.

Я вступалъ въ кружокъ Чайковского въ то время, когда члены его съ жаромъ спорили о томъ, въ какомъ направленіи имъ слѣдуетъ дѣйствовать. По мнѣнію однихъ, надо было продолжать радикальную и социалистическую пропаганду среди развитой молодежи: другіе же считали, что единственной цѣлью ихъ усилій должна быть подготовка людей, способныхъ поднять большую массу рабочихъ, и что имъ надо всю свою дѣятельность направлять на работу надъ крестьянами и городскими

рабочими. Во всѣхъ кружкахъ и группахъ, которыя въ это время во множествѣ основывались въ Петербургѣ и въ провинціи, происходили тѣ-же споры, и всюду вторая программа брала верхъ надъ первой.

Если-бы наша молодежь занималась только теоретическимъ социализмомъ, она удовлетворялась-бы простымъ заявленіемъ социалистическихъ принциповъ, включая сюда и обобществленіе средствъ производства, какъ конечную цѣль, и въ то же время бросилась-бы въ политическую агитацію. Дѣйствительно, таковъ путь многихъ политическихъ дѣятелей-социалистовъ изъ буржуазіи въ зап. Европѣ и въ Америкѣ. Но наши молодые люди пришли къ социализму совершенно инымъ путемъ. Они не были теоретиками социализма, а стали социалистами, живя скромной жизнью рабочихъ, не дѣлая различія между «твоимъ и моимъ» въ средѣ своего кружка, и отказываясь пользоваться для удовлетворенія своихъ личныхъ потребностей богатствами, унаслѣдованными отъ отцовъ. Они сдѣлали для капитализма то-же, что совѣтуетъ Толстой по отношенію къ войнѣ, — а именно, чтобы люди, вмѣсто того, чтобы осуждать войну, продолжая носить военный мундиръ, отказывались-бы, каждый за себя, отъ службы въ солдатахъ и отъ употребленія оружія. Точно также и наши русскіе молодые люди и дѣвушки отказывались, каждый за себя, извлекать личную выгоду изъ доходовъ ихъ отцовъ. Такая молодежь принадлежала народу, — и она и шла въ народъ.

Тысячи молодыхъ людей и молодыхъ женщинъ уже бросили свой домъ и въ то время старались жить въ

деревняхъ и промышленныхъ городахъ, занимаясь самыми различными занятіями. Это не было организованнымъ движеніемъ; это былъ одинъ изъ тѣхъ порывовъ, которые захватываютъ массы въ извѣстныя времена, когда внезапно пробуждается человѣческое самосознаніе. Теперь, когда образовывались небольшіе кружки, готовые произвести систематическое усиліе для распространенія въ Россіи идей свободы и революціи, они по необходимости пришли къ тому, что надо обратиться съ пропагандой въ среду крестьянскихъ и городскихъ рабочихъ массъ.

Нѣкоторые писатели старались объяснить это движеніе «въ народъ» внѣшними вліяніями, — иностранными агитаторами повсюду любятъ все объяснять. Несомнѣнно, наша молодежь прислушивалась къ могучему голосу Бакунина, и агитація интернаціонала имѣла на насъ неотразимое вліяніе. Но движеніе «въ народъ» имѣло гораздо болѣе глубоко лежащія причины: оно началось раньше, чѣмъ «иностранцы» заговорили съ русской молодежью, раньше даже, чѣмъ былъ основанъ Интернаціоналъ. Оно началось уже въ кружкѣ Каракозова, въ 1866 году: Тургеневъ наблюдалъ его появленіе и уже въ 1859-мъ году слегка обрисовалъ его. Я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы поощрить это движеніе въ кружкѣ Чайковского: но я только слѣдовалъ общему теченію, безконечно болѣе могучему, чѣмъ всякія личныя усилія. Увлеченный этимъ теченіемъ, кружокъ вскорѣ сталъ главнымъ центромъ социалистической пропаганды среди городскихъ рабочихъ, начиная въ то-же время заниматься и пропагандой въ деревнѣ.

Мы, разумѣется, часто говорили о необходимости политической агитаціи, направленной противъ нашего самодержавнаго правительства. Мы уже замѣчали, что неблагоприятныя налоги, обременявшіе крестьянъ, и еще болѣе неблагоприятныя продажи крестьянскаго скота, для покрытія недоимокъ, толкаютъ крестьянъ къ непоправимому и неизбѣжному разоренію. Мы «провидцы», видѣли приближающееся полное разореніе цѣлаго населенія, разоренія, которое въ центрѣ Россіи приняло ужасающіе размѣры и изъ котораго само правительство не рѣшается болѣе дѣлать тайны. Мы знали, какъ Россію со всѣхъ сторонъ самымъ безстыднымъ образомъ грабятъ.

Мы знали и ежедневно еще болѣе ознакамливались съ противозаконными дѣйствіями чиновниковъ и съ невѣроятной грубостью многихъ изъ нихъ. Мы безпрестанно слышали о друзьяхъ, къ которымъ полиція нагрянула ночью, которые исчезли въ тюрьмы и, какъ мы въ состояніи были убѣдиться позднѣе, ссылались безъ суда въ глухія деревеньки какой-нибудь отдаленной русской губерніи. Въ виду всего этого мы чувствовали необходимость политической борьбы съ этой странной властью, разрушавшей всѣ лучшія умственныя силы страны. Но мы не находили возможнаго, легальнаго или полуполегалнаго, основанія, чтобы начать такую борьбу.

Наши старшіе братья не раздѣляли нашихъ социалистическихъ взглядовъ, мы же не могли отказаться отъ нихъ. Даже если-бы нѣкоторые изъ насъ и сдѣлали это, это ни къ чему не послужило-бы. Все молодое поколѣ-

ніе, безъ разбора, считалось «неблагонадежнымъ», и старики боялись сходитья съ нами, чтобы не вызвать такого-же къ себѣ отношенія. Всякій молодой человѣкъ съ демократическими наклонностями, всякая молодая женщина, слухавшая курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, были въ глазахъ политической полиціи подозрительными, и Катковъ называлъ ихъ врагами государства. Если молодая дѣвушка стригла волосы и носила синіе очки, если студентъ зимой вмѣсто пальто носилъ шотландскій пледъ, этого было достаточно, чтобы заявить ихъ неблагонадежными, въ то время какъ въ дѣйствительности они просто обнаруживали этимъ свои нетребовательные и демократическіе вкусы пигмалистовъ. Если къ студенту на квартиру часто ходили другіе студенты, то въ эту квартиру періодически врывалась полиція и дѣлала обыскъ. Эти ночныя посѣщенія полицейскихъ были такъ обычны въ нѣкоторыхъ студенческихъ квартирахъ, что однажды Кельницъ, со свойственнымъ ему саркастическимъ добродушіемъ, сказалъ полицейскому офицеру, обыскивавшему комнаты: «Зачѣмъ вы даете себѣ столько труда въ каждое свое посѣщеніе пересматривать всѣ наши книги? Лучше было-бы вамъ имѣть списокъ ихъ и приходить разъ въ мѣсяцъ посмотреть, всѣ-ли онѣ стоятъ на полкахъ, прибавляя отъ времени до времени къ своему списку новыя заглавія». Самаго легкаго подозрѣнія было достаточно, чтобы оторвать молодого человѣка отъ занятій, заключить его на нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьму, и въ концѣ концовъ отослать его въ какую-нибудь отдаленную мѣстность Урала, «на неограниченный срокъ», по

обычному выраженію бюрократическаго жаргона... Даже въ то время, когда кружокъ Чайковскаго ничего не дѣлалъ, кромѣ раздачи книгъ, которыя всё были дозволены цензурою, Чайковскій дважды былъ арестованъ и 4 или 6 мѣсяцевъ просидѣлъ въ тюрьмѣ.—второй разъ въ то время, когда рѣшалась судьба его карьеры, какъ химика: его изысканія только что были напечатаны въ Запискахъ Академіи Наукъ и ему предстояло держать въ университетѣ выпускные экзамены. Въ концѣ концовъ его освободили, такъ какъ полиція не въ состояніи была найти достаточный предлогъ для оправданія высылки его на Уралъ! Но если мы васъ еще разъ арестуемъ, тогда мы сошлемъ васъ въ Сибирь», было ему сказано. Дѣйствительно, любимой мечтой Александра II было имѣть гдѣ-нибудь въ степяхъ особый городъ, днемъ и ночью охраняемый отрядами казаковъ, куда посылались бы всё неблагонадежные молодые люди, такъ, чтобы тамъ собрано было-бы 10 или 12 тысячъ ихъ. Только опасность, которую могъ-бы когда-нибудь представить такой городъ, помѣшала ему осуществить эту поистинѣ азіатскую мечту.

Одинъ изъ членовъ нашего кружка, офицеръ, принадлежалъ къ группѣ молодыхъ людей, честолюбіе которыхъ заключалось въ томъ, чтобы служить въ провинціальныхъ земствахъ. Это дѣло они считали великой миссіей и подготовлялись къ нему основательнымъ изученіемъ экономическихъ условій центра Россіи. Тѣ-же надежды питали въ то время многіе молодые люди; но всё эти надежды улетучивались при первомъ-же сопря-

косновеніи съ дѣйствующимъ правительственнымъ строемъ.

Едва успѣло правительство даровать нѣкоторымъ губерніямъ Россіи извѣстную автономію, въ сущности очень ограниченную, какъ оно стало все свои усилія прилагать къ тому, чтобы уничтожить эту реформу и отнять у нея всякую цѣну и значеніе.

Самостоятельное земство должно было ограничиться ролью государственнаго учрежденія, на обязанность котораго было возложено взиманіе добавочныхъ мѣстныхъ налоговъ и обращеніе послѣднихъ на государственныя нужды въ предѣлахъ территоріи земства. На всякую попытку со стороны уѣздныхъ земствъ взять на себя инициативу какихъ-нибудь улучшеній, — устройства школъ, реальныхъ училищъ, принятія санитарныхъ мѣръ, усовершенствованія земледѣлія, и т. д., — правительство смотрѣло подозрительно, полагало ее даже опасной, а *Московскія Вѣдомости* провозглашали въ этомъ случаѣ какія-то «сенартистскія» стремленія, желаніе создать «государство въ государствѣ». бунтъ противъ самодержавія.

Если - бы кто -нибудь захотѣлъ рассказать, напр., истинную исторію Тверскаго реального училища, или другой подобной попытки, сдѣланной въ то время однимъ изъ земствъ, со всеми мелочными преслѣдованіями, запрещеніями, упраздненіями и другими мѣрами, которыми душили этого рода учебныя заведенія, то ни одинъ западно-европейскій, а въ особенности американскій читатель не согласился-бы повѣрить правдивости этого разсказа. Онъ отложилъ бы книгу въ сторону, говоря: «Это

немыслимо, это слишком нелѣпо для того, чтобы быть правильнымъ» Однако, такъ оно и было. Цѣлыя группы представителей, избранныхъ нѣсколькими земствами, устранились отъ исполненія обязанностей и получали приказаніе оставить губернію и свои имѣнія, или же просто ссылались, за то, что дерзнули самымъ почтительнымъ образомъ представить Императору петицію по поводу правъ, обезпеченныхъ закономъ за земствами.

«Выборные члены губернскихъ земствъ должны быть простыми министерскими чиновниками и повиноваться министру внутреннихъ дѣлъ». Такова была теорія петербургскаго правительства. Что же касается до маленькихъ людей, — учителей, врачей и т. д., — служившихъ по земству, то ихъ полиція забирала и высылала въ 24 часа безъ всякихъ церемоній; для этого достаточно было приказа всемогущаго Третьяго Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи. Не далѣе, чѣмъ въ прошломъ (1896-мъ) году, одна дама, мужъ которой, богатый землевладѣлецъ, занимаетъ высокій постъ въ одномъ изъ земствъ, и которая сама много занимается вопросами преподаванія, пригласила къ себѣ въ день своего рожденія восемь сельскихъ учителей. «Бѣдные люди, говорила она себѣ, они вѣдь никогда никого, кромѣ мужиковъ, не видятъ». На слѣдующій послѣ празднества день сельскій полицейскій чинъ явился въ барскій домъ и настоятельно добивался узнать имена этихъ восьми учителей, чтобы сообщить ихъ своему начальству. Дама отказалась назвать фамиліи. «Какъ угодно, промолвилъ тотъ; я ихъ вѣ-таки разужнаю и доложу объ нихъ. Сель-

скіе учителя не должны собираться и я обязанъ доносить, если это случается». На этотъ разъ высокое положеніе хозяйки защитило учителей, но если бы они сошлись у одного изъ нихъ, то къ нимъ нагрянула бы тайная полиція и половина ихъ была бы министерствомъ народнаго просвѣщенія уволена: если же одинъ изъ нихъ непарокомъ произнесъ бы хоть звукъ неодобренія во время полицейскаго обыска, его сослали бы въ дальнюю губернію. Вотъ что происходитъ теперь, черезъ тридцать три года послѣ учрежденія земствъ: но въ 1870—1880 г.г. было гораздо еще хуже. Какую опору представляли подобныя учрежденія для начала политической борьбы?

Когда отецъ, умирая, оставилъ мнѣ свое Тамбовское помѣстье, я одно время очень серьезно собирался устроиться въ этомъ имѣніи и посвятить всю свою дѣятельность мѣстному земству. Нѣкоторые крестьяне и бѣднѣйшіе священники округа просили меня объ этомъ. Я лично удовольствовался бы всякимъ дѣломъ, какъ бы оно ни было мелко, лишь бы быть въ состояніи содѣйствовать поднятію умственнаго уровня и улучшенію положенія крестьянъ. Но однажды, когда собрались нѣсколько человѣкъ изъ тѣхъ, кто совѣтовалъ мнѣ это, я спросилъ ихъ: «Предположимъ, что я попробую основать школу, образцовое хозяйство, кооперативное предпріятіе, и въ то же время заступлюсь за того крестьянина изъ нашей деревни, который недавно сталъ жертвой несправедливости; дадутъ-ли мнѣ власти исполнить все это?» — «Никогда!» — отвѣтили мнѣ все въ одинъ голосъ.

Старый поинъ съ сѣдой головой, котораго глубоко ува-

жала вся округа, пришелъ ко мнѣ нѣсколько дней спустя съ двумя влиятельными главами раскольниковыхъ сектъ и сказалъ:

— «Поговорите съ ними. Если можете, идите съ ними, и проповѣдуйте крестьянамъ съ Библіей въ рукахъ... Вы сами знаете, о чемъ имъ надо проповѣдывать... Если они будутъ скрывать васъ, никакая полиція въ мірѣ васъ не найдетъ. Другого ничего нельзя сдѣлать; вотъ совѣтъ, который даю вамъ я, старикъ».

Я откровенно объяснилъ ему, отчего не могу взять на себя роли Виклефа. Но старикъ былъ правъ. Среди русскихъ крестьянъ растетъ движеніе, схожее съ движеніемъ Лоллардовъ. Муки, причиненныя духоборамъ, отказывающимся воевать, гоненія, подобныя тѣмъ, которыя въ 1887-мъ году имѣли мѣсто противъ крестьянъ-раскольниковъ южной Россіи, у которыхъ отнимали дѣтей, чтобы воспитывать ихъ въ православныхъ монастыряхъ, все это только придаетъ этому движенію мощь, которой оно не могло имѣть 25 лѣтъ тому назадъ.

Такъ какъ въ нашихъ спорахъ всегда поднимался вопросъ объ агитаціи съ цѣлью добиться конституціи, я однажды предложилъ нашему кружку серьезно обсудить его и условиться относительно подходящаго образа дѣйствій. Я уже тогда былъ того мнѣнія, что когда кружокъ единогласно постановлялъ что-либо, каждый членъ долженъ былъ оставить въ сторонѣ свои личные взгляды и посвятить все свои усилія предмету этого постановленія. «Если вы рѣшите агитировать съ цѣлью добиться конституціи, говорилъ я, то вотъ мой планъ: я выѣ-

ниимъ образомъ покину васъ и останусь въ сношеніяхъ только съ однимъ изъ членовъ кружка, напр., съ Чайковскимъ; черезъ него буду я узнавать о результатахъ вашей агитаціи и буду васъ извѣщать, въ общихъ чертахъ, чего достигъ я. Мое дѣло будетъ состоять въ томъ, чтобы работать надъ придворными и высшими сановниками. У меня въ ихъ средѣ много знакомыхъ и мнѣ извѣстны нѣсколько лицъ, тяготящихся современнымъ строемъ. Я сблизю, объединю ихъ, по мѣрѣ возможности, въ извѣстнаго рода организацію, а послѣ этого навѣрное представится когда-нибудь случай произвести помощью этихъ объединенныхъ силъ давленіе на Александра II и уговорить его дать Россіи конституцію. Придетъ, несомнѣнно, время, когда всѣ эти лица почувствуютъ себя запутанными и въ своихъ же собственныхъ выгодахъ сдѣлаютъ рѣшительный шагъ. Въ случаѣ необходимости нѣкоторые изъ насъ, бывшіе офицеры, могутъ оказать намъ большую поддержку, распространивъ пропаганду и на офицерскіе круги, но эта работа должна вестись совершенно независимо отъ агитаціи среди рабочихъ, происходя одновременно съ послѣдней. Я основательно обдумалъ это. Мнѣ хорошо извѣстны мои знакомые и я знаю, къ кому могу питать довѣріе; мнѣ кажется даже, что иные изъ недовольныхъ уже обращали свои взоры на меня, какъ на возможный центръ подобнаго предпріятія. Не такой планъ я принялъ бы, если бы мнѣ была предоставлена свобода выбора; но если вы рѣшите, что онъ хорошъ, я всѣ свои силы приложу къ его успешному выполненію».

Кружокъ моего предложенія не принялъ. Мы отлично знали другъ друга, и товарищи мои вѣроятно думали, что принявъ такую систему дѣйствій, я перестану дѣлать то, къ чему предназначила меня природа. Въ интересахъ моего собственнаго счастья, моей собственной жизни, я никогда не съумѣю какъ слѣдуетъ отблагодарить ихъ за отклоненіе моего предложенія. Въ случаѣ принятія послѣдняго я пошелъ бы по пути, несоотвѣтствовавшему моему характеру, и не нашелъ бы того счастья, которое встрѣтилъ на иныхъ путяхъ.

Но когда, шесть или семь лѣтъ спустя, террористы начали свою страшную борьбу противъ Александра II, я сожалѣлъ, что кто-нибудь другой не попытался осуществить среди высшихъ сферъ Петербурга предложенный мною проектъ. Если бы почва была подготовлена, то движеніе, развитія котораго охватили бы, по всей вѣроятности, всю страну, несомнѣнно помѣшало бы тому, чтобы гекатомбы жертвъ погибли безрезультатно. Во всякомъ случаѣ, подпольная работа Исполнительнаго Комитета должна была имѣть поддержку въ видѣ соответствующей дѣятельности въ Зимнемъ Дворцѣ.

Такимъ образомъ въ нашемъ кружкѣ постоянно возвращались къ обсужденію необходимости политической работы, но споры эти были безплодны. Анатія и равнодушіе богатыхъ классовъ не оставляли никакой надежды, а отчаяніе гонимой молодежи не дошло еще до того пароксизма, который шесть лѣтъ спустя привелъ къ борьбѣ, начатой террористами подъ руководствомъ Исполнительнаго Комитета. Мало того,—и въ этомъ можно видѣть одну изъ

самыхъ трагическихъ насмѣшекъ исторіи,—именно та самая молодежь, которую Александръ II, ослѣпленный страхомъ и гнѣвомъ, сотнями ссылалъ на каторгу и осуждалъ на медленную смерть въ ссылкѣ, именно эта самая молодежь защищала его въ 1871—1878 гг. По самымъ убѣжденіямъ социалистическихъ кружковъ, послѣдніе противодѣйствовали повторенію покушенія на жизнь Царя, подобнаго Каракозовскому. «Подготовляйте въ Россіи широкое крестьянское и рабочее движеніе»,— вотъ каковъ былъ лозунгъ того времени. «Не заботьтесь о Царѣ и его совѣтникахъ. Если подобное движеніе начнется, если крестьяне массами станутъ присоединяться къ нему, требуя земли и отмены выкупныхъ платежей, то императорское правительство первымъ дѣломъ обратится за поддержкой къ богатымъ классамъ и землевладѣльцамъ, и созоветъ парламентъ, — точно также, какъ во Франціи въ 1789-мъ году возстаніе крестьянства заставило королевскую власть созвать Національное Собраніе:—въ Россіи произойдетъ тоже самое».

Но этимъ не кончалось все. Отдѣльные люди и группы, убѣждаясь, что царствованію Александра II суждено все глубже и глубже погружаться въ пучину реакціи, и возлагая въ то-же время смутныя надежды на воображаемую «либеральность» наслѣдника престола (всѣхъ молодыхъ наслѣдниковъ считаютъ либералами), упорно полагали, что должно послѣдовать примѣру Каракозова.

Организованные-же кружки энергически боролись съ этимъ взглядомъ и отговаривали товарищей отъ пусканія въ ходъ такого средства. Въ настоящее время я могу

огласить слѣдующій фактъ, до сихъ поръ остававшійся неизвѣстнымъ. Однажды изъ одной изъ южныхъ губерній прибылъ въ Петербургъ молодой человѣкъ съ твердымъ намѣреніемъ убить Александра II. Объ этомъ стало извѣстно нѣкоторымъ членамъ кружка Чайковского, и они пустили въ ходъ самыя вѣскія доказательства, чтобы отговорить молодого человѣка, а такъ какъ имъ не удавалось убѣдить его, они заявили ему, что будутъ за нимъ наблюдать и силой помѣшаютъ ему произвести такое покушеніе. Я знаю, какъ плохо охранялся въ это время Зимній Дворецъ и могу утверждать, что они спасли Александру II жизнь. Вотъ до какой степени молодежь тогда не хотѣла той войны, въ которой она приняла такое участіе черезъ нѣсколько лѣтъ, когда чаша ея страданій переполнилась до краевъ.

Вліятельные члены кружка Чайковского.—Моя дружба со Степнякомъ.—Пропаганда въ деревнѣ и среди петербургскихъ тначей.

Тѣ два года до моего ареста, которые я провелъ въ работѣ съ кружкомъ Чайковского, наложили неизгладимый отпечатокъ на всю мою послѣдующую жизнь. Втеченіе этихъ двухъ лѣтъ я велъ жизнь, полную кипучей дѣятельности; я узналъ тотъ избытокъ жизненныхъ силъ, при которомъ каждую секунду чувствуешь, какъ трепещутъ всѣ фибры внутренняго существа, — единственную жизнь, которой дѣйствительно стоитъ жить. Я входилъ въ семью мужчинъ и женщинъ, столь тѣсно между собой связанную общностью преслѣдуемой цѣли, и въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ проникнутую такимъ глубокимъ и мягкимъ чувствомъ человѣчности, что я не могу вспомнить ни одного момента, когда-бы жизнь нашего кружка была взволнована хотя - бы незначительнымъ столкновеніемъ. Тѣ, кто хотя-бы отчасти знаетъ, что такое политическая агитація, оцѣнять мои слова по достоинству.

Прежде, чѣмъ окончательно бросить свою научную карьеру, я считалъ себя обязаннымъ закончить свой отчетъ Географическому Обществу о путешествіи моемъ въ Финляндію, а также и другіе труды, предпринятые мной для того-же общества; и мои новые друзья первые укрѣпили меня въ этомъ намѣреніи. Поступить иначе, говорили они, было-бы нехорошо. Итакъ, я ревностно принялся за работу, чтобы закончить свои труды по геологіи и географіи.

Собранія нашего кружка происходили часто, и я ни одного изъ нихъ не пропускалъ. Мы обыкновенно сходились въ одномъ изъ пригородовъ Петербурга, въ маленькомъ домикѣ, который Софія Перовская нанимала на вымышленное имя и съ фальшивымъ паспортомъ жены рабочаго. Она принадлежала къ очень аристократической семьѣ и отецъ ея одно время былъ Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ; но, съ согласія обожаемой ею матери, она покинула родительскій домъ, чтобы поступить въ высшее учебное заведеніе, и вмѣстѣ съ тремя сестрами Корниловыми, дочерьми богатаго фабриканта, она образовала небольшой образовательный кружокъ, который впоследствии превратился въ нашъ. И теперь, глядя на эту «жену ремесленника», въ ситцевомъ платьѣ, обутую въ мужскія сапоги, съ головой, покрытой бумажнымъ платкомъ, и несущую на плечахъ два ведра воды, которыя она сама достала изъ Невы, никто не узналъ-бы въ ней той барышни, которая нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ блистала въ самыхъ аристократическихъ гостиницахъ столицы. Она была нашей

общей любимицей, и каждый, входя въ домикъ, находилъ для нея особенно ласковую улыбку, даже когда она ссорилась съ нами за грязь, которую мы наносили въ домъ нашими грубыми мужицкими сапогами и овечьими тулупами, послѣ хожденія по покрытымъ слякотью улицамъ предмѣстія: она гордилась тѣмъ, что держитъ домъ въ относительно опрятности. Тогда она старалась придать своему дѣвическому личику, чистому и искрящемуся уму, самое строгое выраженіе. Съ точки зрѣнія нравственности она была «ригористкой», монахиней, но нисколько не была проповѣдницей. Когда она была недовольна чѣмъ-нибудь поведеніемъ, она бросала ему изъ подъ рѣсницъ строгій взглядъ; но въ этомъ взглядѣ скрывался ся открытый и великодушный характеръ, понимавшій всѣ человѣческія слабости. Только въ одномъ отношеніи была она неумолима. «Это любочникъ»; сказала она однажды, говоря о комъ-то, и выраженіе лица, съ которымъ она, не прерывая своей работы, произнесла эти слова, навсегда запечатлѣлось въ моей памяти.

Перовская была до глубины души «другомъ народа», и въ то-же время революціонеркой, бойцомъ честнымъ и твердымъ, какъ сталь. Ей не нужно было украшать рабочихъ воображаемыми добродѣтелями, чтобы работать для нихъ и любить ихъ. Она брала ихъ какъ есть и однажды сказала мнѣ: «Мы взялись за великое дѣло; два поколѣнія, можетъ быть, падутъ подъ бременемъ его, и все таки оно должно быть сдѣлано». Ни одна изъ женщинъ-членовъ нашего кружка не отступила-бы передъ вѣрной смертью или анафотомъ. Всѣ смѣло глядѣли-бы

смерти въ глаза. Но въ это время мирной пропаганды никто не изъ нихъ не думалъ о такой участи. Хорошо извѣстный портретъ Перовской замѣчательно хорошъ; онъ отражаетъ въ себѣ и ея обдуманную храбрость, и ея выдающійся умъ и любящую натуру. Никогда женщина не выражала лучше чувствъ любящей души, нежели Перовская въ своемъ письмѣ матери, написанномъ ею за нѣсколько часовъ до казни.

Слѣдующій случай показываетъ, каковы были женщины нашего кружка. Разъ ночью мы съ Куріяновымъ отправились къ Варварѣ Б., которой должны были срѣшно сообщить кое-что. Было уже за полночь, но мы замѣтили въ окнѣ свѣтъ и поднялись. Она сидѣла за столикомъ въ своей тѣсной комнаткѣ и списывала программу нашего кружка. Мы знали ея рѣшительность и намъ пришлось въ голову сыграть съ ней одну изъ тѣхъ глупыхъ шутокъ, которыя иногда кажутся остроумными. «Б., сказалъ я, мы пришли за вами; мы хотимъ попытать немножко отчаянный шагъ, чтобы освободить изъ крѣпости нашихъ друзей». Она ни о чемъ не стала разспрашивать, спокойно положила перо, встала со стула и просто сказала: «Идемъ». Голосъ ея былъ такъ простъ, такъ лишенъ всякой аффектаціи, что я вдругъ почувствовалъ, какъ легкомысленно я поступилъ, и рассказалъ ей правду. Она упала обратно на стулъ со слезами на глазахъ и спросила меня съ отчаяніемъ въ голосъ: «Это была только шутка? Какъ можно такъ шутить!» Тогда только я вполне понялъ всю жестокость своихъ словъ.

Другимъ общимъ любимцемъ всѣхъ членовъ кружка былъ Сергѣй Кравчинскій, который приобрѣлъ такую славу въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ подъ именемъ Степняка. Его часто называли «дитя», такъ мало онъ думалъ о своей безопасности; но эта беззаботность относительно себя происходила просто отъ того, что ему незнакомъ былъ страхъ, что, въ концѣ концовъ, является лучшимъ способомъ ускользнуть отъ розысковъ полиціи. Онъ скоро сталъ очень извѣстнымъ изъ-за пропаганды, которой онъ занимался въ рабочихъ кружкахъ подъ своимъ настоящимъ именемъ Сергѣя, и полиція, разумѣется, дѣятельно разыскивала его. Несмотря на это онъ не принималъ никакихъ предосторожностей, не скрывался, и я помню, что однажды на одномъ изъ нашихъ собраний его строго осуждали за важную неосторожность, въ которой онъ провинился. Поздно засидѣвшіеся разъ въ кружкѣ, какъ это съ нимъ часто случалось, и оказавшіеся въ необходимости пройти до дому большое расстояние, онъ побѣжалъ бѣгомъ по людной улицѣ, по самой серединѣ мостовой, одѣтый въ крестьянскій полушубокъ. «Какъ могли вы это сдѣлать?» съ упрекомъ говорили ему; «вы могли-бы пробудить подозрѣнія и васъ арестовали-бы, какъ вора». Но я хотѣлъ-бы, чтобы всякій былъ также остороженъ, какъ онъ, когда въ дѣло замѣшаны были другіе.

Мы впервые близко познакомились съ нимъ по поводу книги Стенли „*Какъ я нашелъ Ливингстона*“. Однажды вечеромъ, послѣ собранія, затянувшагося до полночи, мы собирались уже уходить, когда вошла одна

изъ Корниловыхъ съ книгою въ рукахъ и спросила, кто могъ бы взять на себя перевести къ 8 часамъ слѣдующаго утра шестнадцать печатныхъ страницъ книги Стенли. Я посмотрѣлъ форматъ книги и сказалъ, что если кто-нибудь возьмется помочь мнѣ, работа будетъ за ночь сдѣлана. Сергѣй предложилъ себя и въ 4 часа утра все шестнадцать страницъ были закончены. Мы прочитали другъ другу свои переводы, причемъ одинъ изъ насъ слѣдилъ по англійскому тексту, потому мы опустошили оставленный намъ на столѣ горшокъ гречневой каши, и вмѣстѣ вернулись домой. Съ этой ночи мы стали близкими друзьями.

Мнѣ всегда нравились люди дѣятельные и серьезно относящіеся къ работѣ. Переводъ Сергѣя и его легкость въ работѣ уже произвели на меня благопріятное впечатлѣніе. Но узнавъ его ближе я искренно полюбилъ его за честный и открытый характеръ, за юношескую энергію и здравый смыслъ, за смѣлость и выдержку. Онъ много читалъ и много думалъ, и мы, повидимому, были однихъ и тѣхъ же взглядовъ относительно революціоннаго характера начатой нами борьбы. Онъ былъ на 10 лѣтъ моложе меня и, можетъ быть, не отдавалъ себѣ яснаго отчета о томъ, какой важный конфликтъ породитъ предстоящая революція. Впослѣдствіи онъ очень остроумно рассказывалъ намъ о томъ времени, когда онъ работалъ въ деревнѣ, среди крестьянъ. «Разъ, сказалъ онъ намъ, ѣхалъ я по дорогѣ съ товарищемъ, и насъ нагналъ крестьянинъ въ саняхъ. Я сталъ говорить мужичку, что онъ не долженъ платить податей, что чинов-

ники грабятъ народъ, и пытался съ помощью библейскихъ текстовъ убѣдить его въ томъ, что онъ долженъ бунтовать. Крестьянинъ стегнулъ лошаденку, но мы не отстали: онъ пустился рысью, — мы погнались за нимъ; я, не переставая, говорилъ ему все время о податяхъ и бунтѣ. Въ концѣ концовъ онъ погналъ клячу галопомъ, но она была неважная, голодная крестьянская лошаденка, и мы съ товарищемъ могли не отстать отъ него, и продолжать свою пропаганду, пока не выбились совершенно изъ силъ».

Сергѣй нѣкоторое время оставался въ Казани и мнѣ пришлось съ нимъ переписываться. Такъ какъ онъ никогда не любилъ писать шифрованные письма, я предложилъ ему тотъ способъ переписки, который въ старину часто примѣняли заговорщики. Пишется обыкновенное письмо о разныхъ разностяхъ, но въ этомъ письмѣ дѣйствительное значеніе имѣютъ только нѣкоторыя слова, напр., каждое пятое слово. Вы, напр., пишете: «*Приходите* ко мнѣ сегодня вечеромъ; *завтра* я долженъ непременно пойти *къ* сестрѣ. А вѣдь братъ *Николай* боленъ; *сдѣлать* операцію уже *поздно*». Читая каждое пятое слово, находимъ: «Приходите завтра къ Николаю, поздно». Намъ приходилось писать письма въ пять или шесть страницъ, чтобы сообщить одну страничку новостей, и надо было напрягать всѣ силы воображенія, чтобы наполнять письма разными разностями, вставляя туда нужныя слова. Сергѣю, отъ котораго невозможно было добиться шифрованного письма, этотъ способъ переписки понравился, и онъ посылалъ мнѣ письма, полныя ис-

торій, захватывающихъ случаевъ и трагическихъ развязокъ. Впослѣдствіи онъ говорилъ мнѣ, что эта переписка послужила ему на пользу, развивъ въ немъ литературный талантъ. Когда есть талантъ, все способствуетъ его развитію.

Въ Январѣ или Февралѣ 1874 г. я былъ въ Москвѣ, въ одномъ изъ домовъ, гдѣ я провелъ дѣтство. Однажды утромъ мнѣ говорятъ, что меня хочетъ видѣть какой-то мужикъ. Я вышелъ и увидѣлъ передъ собою Сергѣя, только что убѣжавшаго изъ Твери. Онъ былъ одаренъ страшной физической силой, и вмѣстѣ съ другимъ бывшимъ офицеромъ, Рогачевымъ, тоже очень сильнымъ, ходилъ по деревнямъ и плотничалъ. Работа была тяжелая, особенно для непривычныхъ рукъ, но оба работали съ удовольствіемъ. Никому бы не пришло въ голову признать въ этихъ здоровенныхъ плотникахъ двухъ переодѣтыхъ офицеровъ. Они путешествовали въ такомъ видѣ уже около 15 дней, не пробудивъ ни тѣни подозрѣнія, и безбоязненно пронагандировали революцію направо и налево. Сергѣй, знавшій Новый Заветъ почти наизусть, часто говорилъ крестьянамъ проповѣди, доказывая имъ библейскими текстами, что они должны взбунтоваться. Крестьяне слушали ихъ, какъ двухъ апостоловъ, гостепріимно водили ихъ изъ одного дома въ другой и отказывались брать деньги за угощеніе. За пятнадцать дней они вызвали въ извѣстномъ числѣ деревень настоящее броженіе. Слава о нихъ распространилась далеко кругомъ. Крестьяне, молодые и старые, начинали тайкомъ, въ овинахъ говорить о «послан-

пахъ»; они стали громче обыкновеннаго говорить, что скоро у крупныхъ землевладѣльцевъ отнимутъ землю и что взамѣнъ послѣдней имъ будетъ назначено отъ царя жалованье. Молодежь стала болѣе дерзкой по отношенію къ полицейскимъ, говоря: «Погодите-ка, придетъ и вашъ чередъ; недолго ужъ вамъ, Иродамъ, царствовать». По слава объ обоихъ плотникахъ дошла до какого-то полицейскаго чиновника, и ихъ арестовали. Приказано было отвести ихъ къ ближайшему полицейскому чиновнику, за 15 верстъ оттуда. Ихъ помѣстили подъ охрану нѣсколькихъ крестьянъ, и по пути имъ довелось попасть въ село, гдѣ праздновался церковный праздникъ. «Что? Арестантики? Отлично! Идите-ка къ намъ»,—говорили мужички, пившіе въ честь праздника.

Почти весь день провели они въ деревнѣ, крестьяне же водили ихъ изъ одной избы въ другую, и всюду ихъ угощали домашнимъ пивомъ. Сторожа не заставляли себя упрашивать, они пили и настаивали, чтобы и арестанты пили. «Къ счастью, говорилъ Сергѣй, они угощали насъ пивомъ изъ большихъ деревянныхъ жбановъ, ходившихъ по рукамъ, такъ что я могъ только прикоснуться къ жбану губами и дѣлать только видъ, что я пью, и никто не въ состояніи былъ видѣть, сколько именно я выпилъ».

Къ вечеру всѣ сторожа оказались пьяны, и, не желая показаться въ такомъ видѣ полицейскому офицеру, рѣшили остаться на ночь въ той-же деревнѣ. Сергѣй говорилъ съ ними и они удивлялись, какъ это могли арестовать такого славнаго малаго. Когда они пошли спать одинъ молодой паренъ прошепталъ Сергѣю на ухо: «Когда

пойду запираеть ворота, засова не задвину». Сергѣй и его товарищъ поняли предупрежденіе и, какъ только веѣ заснули, вышли на дорогу. Они ускорили шагъ и въ пять часовъ утра были за двадцать пять вереть отъ деревни, у маленькой желѣзнодорожной станціи, гдѣ они сѣли на первый поѣздъ, и прѣѣхали въ Москву. Сергѣй тамъ и остался, и впоследствии, когда настъ веѣхъ въ Петербургъ арестовали, Московскій кружокъ сталъ подъ его вліяніемъ главнымъ очагомъ агитаціи.

Тамъ и сямъ, въ разныхъ городахъ и селахъ образовывались подъ различными видами маленькія группы агитаторовъ. Устраивались кузничнымъ астерекія и маленькія фермы, гдѣ работали молодые люди изъ достаточныхъ классовъ, чтобы быть въ ежедневномъ соприкосновеніи съ рабочими массами.

Въ Москвѣ нѣкоторыя молодые дѣдушки, принадлежавшія къ богатымъ семьямъ, учившіяся въ Цюрихскомъ университетѣ и основавшія особое общество, или даже на хлопчатобумажныя фабрики, гдѣ онѣ работали по 14—16 часовъ въ день, живя въ этихъ фабричныхъ казармахъ той - же полной нужды жизнью, что и русскія рабочія женщины. Это было огромное движеніе, въ которомъ принимали активное участіе отъ двухъ до трехъ тысячъ человекъ по меньшей мѣрѣ, въ то время какъ вдвое или втрое большее число сочувствующихъ друзей разными способами поддерживали этотъ доблестный авангардъ. Нашъ Петербургскій кружокъ находился въ правильной перепискѣ, — разумѣется, только шифрованной, — съ доброй половиной всей этой агитаціонной арміи.

Тѣ сочиненія, которыя можно было печатать въ Россіи при строжайшей цензурѣ (малѣйшая соціалистическая окраска строго запрещалась) скоро были сочтены недостаточными, и мы устроили за-границей свою собственную типографію. Наше дѣло заключалось въ томъ, чтобы составлять брошюры для рабочихъ и крестьянъ, и у нашей маленькой «литературной комиссіи», къ которой принадлежалъ и я, работы было по горло. Сергѣй написалъ двѣ такихъ брошюры: одна была въ стилѣ Ламменэ, другая содержала изложеніе ученій соціализма въ формѣ волшебной сказки; обѣ получали очень широкое распространеніе. Книжки и брошюры, напечатанныя за-границей, контрабандой ввозились въ Россію тысячами, сосредоточивались въ определенныхъ мѣстахъ и оттуда рассылались мѣстнымъ кружкамъ, которые раздавали ихъ крестьянамъ и рабочимъ. Все это требовало обширной организаціи, множества разъѣздовъ и огромной переписки, въ особенности въ цѣляхъ охраны отъ полиціи тѣхъ лицъ, которые помогали намъ, а также и для того, чтобы не обнаружился мѣста нашихъ книжныхъ складовъ. Для разныхъ провинціальныхъ кружковъ у насъ были особые шифры и часто, послѣ шести или семи часового спора о всякихъ подробностяхъ, наши дамы, не вѣря, что мы напишемъ шифрованные письма съ желательной тщательностью, проводили всю ночь за покрывальцемъ листовъ бумаги тайнственными знаками и дробями.

На нашихъ собраніяхъ всегда царствовала полная непринужденность. Русской мысли до такой степени претитъ всякаго рода формализмъ, что у насъ никогда не

было председателя, и хотя наши пренія иногда бывали въ высшей степени оживленными, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда обсуждались программные вопросы, тѣмъ не менѣе мы всегда отлично приходили къ соглашенію, никогда не нуждаясь прибѣгать къ формальностямъ, вошедшимъ въ обычай на Западѣ. Для этого намъ достаточно было полной искренности, единодушнаго желанія возможно лучшимъ образомъ разрѣшить всѣ трудности и ясно выраженнаго презрѣнія ко всему, что мало-мальски похоже на актерство и лманье. Если-бы кто-нибудь изъ насъ рѣшился произнести рѣчь съ ораторскими приѣмами, ему-бы немедленно показали дружескими насмѣшками, что онъ плохо выбралъ мѣсто для упражненія въ краснорѣчій. Часто приходилось намъ во время этихъ собраній завтракать или обѣдать, причемъ завтракъ и обѣдъ неизмѣнно состояли изъ чернаго хлѣба съ солеными огурцами и куска сыру, въ дополненіе къ чему выпивалось большое количество слабаго чая. Не то, чтобы у насъ было мало денегъ; ихъ всегда было достаточно въ касѣ, и все-таки ихъ постоянно недоставало на покрытіе непрерывно возрастающихъ расходовъ по печатанью и перевозкѣ книгъ, по скрыванію друзей отъ розысковъ полиціи и по осуществленію новыхъ предпріятій.

Въ Петербургѣ мы вскорѣ завязали много знакомствъ въ рабочей средѣ. Сердюковъ, молодой человекъ съ высоко развитымъ умомъ, подружился съ нѣсколькими механиками, работавшими частью въ государственномъ арсеналѣ, и устроилъ кружокъ изъ 30-ти или около того членовъ, которые собирались для совмѣстныхъ бесѣдъ и

споровъ. Механики въ Петербургѣ получали хорошее жалованье и тѣ изъ нихъ, которые не были женаты, жили въ относительномъ достаткѣ. Они скоро освоились съ главнѣйшими сочиненіями радикальной и социалистической литературы,—имена Бокаля, Лассалю, Милля, Дрепера, Шпильтгагена не были имъ чужды; а въ отношеніи взглядовъ эти механики мало чѣмъ разнились отъ студентовъ. Когда Кельницъ, Сергѣй и я вошли въ кружокъ, мы стали часто посѣщать ихъ группу и дѣлали у нихъ общенія на разныя темы. Однако, наши надежды на то, что эти молодые люди станутъ ревностными агитаторами въ средѣ менѣе привилегированныхъ слоевъ рабочихъ, не вполне осуществились. Въ свободной странѣ они стали бы обычными ораторами въ публичныхъ собраніяхъ; но, подобно женеvскимъ привилегированнымъ рабочимъ ювелирнаго цеха, они смотрѣли на массу фабричныхъ рабочихъ съ нѣкотораго рода презрѣніемъ и, повидимому, не счѣтали себя мучениками социализма. Только послѣ того, какъ ихъ арестовали и они по три или четыре года провели въ тюрьмѣ за то лишь, что осмѣялись имѣть социалистическій *образъ мыслей*, послѣ того, какъ они узнали всю пучину русскаго абсолютизма,—только послѣ этого нѣкоторые изъ нихъ посвятили себя страстной пропагандѣ, главнымъ образомъ съ цѣлью вызвать политическую революцію.

Мои симпатіи склонялись въ особенности къ ткачамъ и къ рабочимъ хлопчато-бумажныхъ фабрикъ. Такихъ въ Петербургѣ тысячи; они работаютъ тамъ всю зиму, а на три лѣтнихъ мѣсяца возвращаются на родину, въ

деревню, чтобы обрабатывать свою землю. Будучи наполовину крестьянами, наполовину рабочими, они большей частью сохранили въ себѣ общинный духъ русскихъ деревенскихъ жителей. Движеніе распространилось между ними, какъ по пороховому слѣду. Намъ приходилось умѣрять рвеніе нашихъ новыхъ друзей; а то они стали бы приводить къ намъ заразъ сотни своихъ пріятелей, молодыхъ и стариковъ. Большинство ихъ жило артелями изъ десяти или двѣнадцати человѣкъ; артель нанимала общую квартиру и вмѣстѣ готовила пищу, причемъ каждый ежемѣсячно платилъ свою долю общихъ расходовъ. Вотъ въ эти-то квартиры мы обыкновенно и ходили, и ткачи сводили насъ съ другими артелями: каменщиковъ, плотниковъ и другихъ ремесленниковъ. Въ иныхъ изъ этихъ артелей Сергѣй, Кельницъ и двое или трое другихъ нашихъ товарищей были приняты, какъ свои люди, и они цѣлыя ночи проводили тамъ въ бесѣдахъ о социализмѣ. Кромѣ того, у насъ въ различныхъ частяхъ Петербурга были особыя квартиры, нанятыя нѣкоторыми изъ нашихъ, гдѣ каждый вечеръ собиралось десять или двѣнадцать рабочихъ, чтобы учиться читать и писать, а потомъ бесѣдовать. Отъ времени до времени кто-нибудь изъ насъ отправлялся въ родную деревню нашихъ городскихъ друзей и посвящалъ недѣли двѣ почти открытой пропагандѣ среди крестьянъ.

Понятно, всѣ тѣ изъ насъ, которые работали съ этимъ классомъ рабочихъ, должны были одѣваться точно также, какъ послѣдніе, т. е. носить крестьянскій кафтанъ. Пропасть, отдѣляющая крестьянъ отъ интеллиген-

ни, въ Россіи такъ глубока, а соприкосновеніе между ними составляетъ такую рѣдкость, что одно присутствіе въ деревнѣ человѣка, одѣтаго по городскому, уже привлекаетъ всеобщее вниманіе. Но даже и въ городѣ достаточно человѣку, рѣчи и одежда котораго отличаютъ его отъ рабочихъ, показаться въ средѣ послѣднихъ, чтобы сейчасъ же пробудились подозрѣнія полиціи. «Зачѣмъ бы ему ходить къ простонародію, не будь у него дурныхъ намѣреній?» Часто, пообедавши въ богатомъ домѣ, или даже въ Зимнемъ Дворцѣ, куда я иногда ходилъ повидаться съ кѣмъ-нибудь изъ пріятелей, я садился на извозчика и скакалъ въ бѣдную студенческую квартиру, на отдаленную окраину города. Тамъ я мѣнялъ свое элегантное платье на холстяную рубаху, грубые крестьянскіе сапоги и овечій полушубокъ и отправлялся, перебрасываясь шутками со встрѣчавшимися мнѣ по дорогѣ мужиками, къ своимъ пріятелямъ — рабочимъ. Имъ я рассказывалъ о томъ, что мнѣ удалось видѣть за границей изъ рабочаго движенія, о могуществѣ Интернаціонала, о Коммунѣ 1871 года. Они слушали меня съ величайшимъ вниманіемъ, не пропуская ни слова изъ того, что я говорю; и тогда наступали вопросы: «что же можемъ мы сдѣлать въ Россіи?» — «Агитировать, организоваться», отвѣчали мы имъ; «это единственный путь, которымъ можно достичь цѣли»; и мы читали имъ популярную исторію французской революціи, или передѣлку прекрасной *Исторіи одного крестьянина* Эркмана-Шатріана. Всѣ восхищались Шовелемъ, ходившимъ по деревнямъ съ цѣлью агитаціи и разносившимъ запрещен-

ныя книжки, и горѣли желаніемъ пойти по его слѣдамъ. «Говорите съ другими» говорили мы, «собирайте народъ, и когда насъ будетъ побольше, тогда мы поглядимъ, чего мы можемъ добиться». Они отлочно понимали насъ и намъ приходилось только умѣрять ихъ рвеніе.

Именно среди нихъ я и провелъ лучшіе часы моей жизни. День новаго 1874-го года, — послѣдняго новаго года, проведеннаго мной въ Россіи на волѣ, — особенно сильно запечатѣлся у меня въ памяти. Наканунѣ я оказался въ избранномъ обществѣ. Тамъ говорились благородныя и воодушевленныя слова о гражданскомъ долгѣ, благѣ страны и т. д. Но всѣ эти патетическія рѣчи пропикнуты были однимъ и тѣмъ же духомъ: каждый изъ присутствовавшихъ, казалось, главнымъ образомъ заботился о томъ, чтобы обезпечить свое личное благо, хотя ни у кого и не хватило смѣлости открыто и откровенно сказать, что онъ готовъ сдѣлать только то, что не угрожаетъ его личной безопасности.

Софизмы, софизмы безъ конца, — о медленности эволюціи, о косности низшихъ классовъ, о бесполезности жертвъ; вотъ чѣмъ оправдывались слова, которыхъ громко не рѣшались произнести, и каждый ко всѣмъ этимъ соображеніямъ присоединялъ увѣренія, что онъ лично готовъ на какія угодно жертвы. Я вернулся домой, внезапно охваченный глубокимъ отвращеніемъ ко всей этой болтовнѣ.

На слѣдующее утро я пошелъ на одно изъ собраній нашихъ ткачей. Мѣстомъ его былъ темный подвалъ. Я былъ одѣтъ крестьяниномъ и терялся въ толпѣ присут-

ствующихъ, подобно мнѣ одѣтыхъ въ овечьи полушубки. Мой товарищъ, котораго рабочіе знали, представилъ меня имъ въ слѣдующихъ простыхъ словахъ: «Бородинъ, другъ». «Разскажите намъ, Бородинъ, сказалъ онъ, что вы видѣли за-границей», и я сталъ имъ разсказывать о движеніи пролетаріата въ Западной Европѣ, объ его борьбѣ, объ его затрудненіяхъ и надеждахъ.

Аудиторія состояла главнымъ образомъ изъ людей зрѣлаго возраста. Они были сильно заинтересованы; ставили мнѣ вопросы, все толковыя, о подробностяхъ рабочаго движенія, о цѣляхъ Интернаціонала и о возможности успѣха; потомъ шли вопросы о томъ, что мы можемъ сдѣлать въ Россіи, и о результатахъ нашей пропаганды. Я никогда не смягчалъ опасностей нашей агитаціи и откровенно высказывалъ свои мысли. «Насъ вѣроятно сошлютъ на этихъ дняхъ въ Сибирь; а вы,—по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ васъ,—проведете нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ за то, что слушали насъ». Эта мрачная перспектива не охладила ихъ. «И въ Сибири люди живутъ, не одни медвѣди», «Гдѣ одни люди живутъ, тамъ и другимъ можно прожить», «Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюють», «Волковъ бояться—въ лѣсъ не ходить»,—вотъ что они говорили, когда мы уходили отъ нихъ. И когда нѣкоторыхъ изъ нихъ впоследствии арестовали, всѣ они, почти безъ исключенія, показали себя молодцами; они покрыли насъ и никого не выдали.

VI.

Многочисленные аресты агитаторовъ въ Петербургъ.— Мое сообщеніе въ Географическомъ обществѣ.— Мой арестъ.— Безполезный допросъ.— Меня заключаютъ въ Петропавловскую крѣпость.

Впродолженіе тѣхъ двухъ лѣтъ, о которыхъ я въ настоящее время говорю, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи имѣли мѣсто многочисленные аресты. Не проходило мѣсяца, чтобы мы не потеряли кого-нибудь изъ своихъ или не узнали объ исчезновеніи такихъ-то членовъ того или другого провинціального кружка. Къ концу 1873 г. аресты стали производиться все чаще и чаще. Въ ноябрѣ полиція нагрянула въ одно изъ главныхъ мѣстъ нашихъ собраній, находившееся въ одномъ изъ предмѣстій Петербурга. Мы потеряли Перовскую и трехъ другихъ друзей, и намъ пришлось прекратить всякія сношенія съ рабочими этого предмѣстья. Мы нашли новое помѣщеніе, подальше отъ города, но вскорѣ принуждены были покинуть и его. Полиція становилась очень внимательной и о присутствіи въ рабочихъ кварталахъ студента немедленно становилось извѣстно. Между рабочими сновали шпионы и тѣсно наблюдали за ними.

Дмитрій Кельницъ, Сергѣй и я, съ нашими овечьими полушубками и мужичьей вышностью, оставались незамѣченными и продолжали посѣщать эти опасныя мѣста. Но Дмитрія и Сергѣя, имена которыхъ приобрѣли большую извѣстность въ народныхъ кварталахъ, полиція дѣятельно разыскивала и если-бы ихъ случайно встрѣтили во время полицейскаго обыска у друзей, они были-бы немедленно арестованы. Бывали моменты, когда Дмитрію приходилось каждый вечеръ искать себѣ новый пріютъ, гдѣ-бы онъ могъ провести ночь въ относительной безопасности. «Могу-ли я провести у васъ ночь?..» спрашивалъ онъ, входя въ комнату къ какому-нибудь товарищу въ 10 час. вечера. «Немыслимо! за моей квартирой тѣсный надзоръ. Подите лучше къ N***». — «Я какъ разъ отъ него, онъ говоритъ, что по сосѣдству все кишитъ шпиками». — «Тогда идите къ M***; это одинъ изъ лучшихъ моихъ друзей и онъ въ сторонѣ отъ всякаго подозрѣнія. Но это далеко отъ сюда, надо взять извозчика. Вотъ тутъ деньги!» По Дмитрію принципиально не ѣздили на извозщикахъ и шелъ пешкомъ на другой конецъ города, искать пріютъ, и кончалъ тѣмъ, что шелъ къ пріятелю, квартиру котораго ежеминутно могла посѣтить полиція.

Въ началѣ января 1877 года открыто было еще одно мѣсто нашихъ собраний, — главный очагъ нашей пропаганды между ткачами. Нѣсколько лучшихъ нашихъ агитаторовъ исчезли за воротами таинственнаго Третьяго Отдѣленія. Кружокъ нашъ таялъ, общія собранія становились все затруднительнѣе, и мы прилагали энергиче-

скія усилія къ тому, чтобы образоватъ новые кружки молодежи, которые могли бы продолжать наше дѣло послѣ того, какъ все мы будемъ арестованы. Чайковский былъ на югѣ и мы настояли на томъ, чтобы Дмитрій и Сергѣй оставили Петербургъ. Для исправленія всѣхъ дѣлъ нашего кружка насъ оставалось всего пять или шесть человѣкъ. И также собирался немедленно послѣ своего доклада въ Географическомъ Обществѣ отправиться на юго-западъ Россіи и основать тамъ родъ аграрной лиги, подобно той, которая пріобрѣла такое могущество въ Ирландіи около 1880 г.

Послѣ двухъ мѣсяцевъ относительнаго спокойствія, мы въ серединѣ марта узнали, что почти все члены кружка механиковъ арестованы и между ними одинъ молодой человѣкъ, по имени Низовкинъ, бывшій студентъ, къ несчастью пользовавшійся ихъ довѣріемъ, который, какъ мы были увѣрены, не замедлитъ постараться выпутать себя изъ дѣла, рассказавъ все, что онъ объ насъ знаетъ. Кромѣ Дмитрія и Сергѣя, онъ зналъ Сердюкова, основателя этого кружка, и меня, и было несомнѣннымъ, что онъ выдастъ насъ, какъ только его станутъ настойчиво допрашивать. Спустя нѣсколько дней арестовали двухъ ткачей, — очень подозрительныхъ молодцовъ, которые даже пойманы были на кражѣ денегъ у товарищей, и которые знали меня подъ именемъ Бородина. Эти люди навѣрное не замедлили навести полицію на слѣды Бородина, человѣка, переодѣтаго крестьяниномъ, говорившаго на собраніяхъ ткачей. Въ теченіи недѣли арестованы были все члены нашего кружка, за исключеніемъ Сердюкова и меня.

Намъ оставалось только бѣжать изъ Петербурга; по этому какъ разъ мы не хотѣли дѣлать.

А наша огромная организація для печатанія заграницей брошюръ и ввоза ихъ контрабандой въ Россію? А вся эта сѣть кружковъ, фермъ и другихъ очаговъ агитаціи, устроенныхъ въ деревнѣ, съ которыми мы поддерживали переписку въ 40 губерніяхъ изъ всѣхъ 50-ти, которыя насчитываетъ Европейская Россія, и которые мы съ такимъ трудомъ основали за послѣдніе два года? Наконецъ, а наши рабочія группы въ Петербургѣ, и наши четыре отдѣльных кружка для пропаганды среди столичныхъ рабочихъ,—какъ могли мы оставить все это раньше, чѣмъ найдутся люди, способные сохранить наши связи и продолжать нашу переписку? Мы съ Сердюковымъ рѣшили принять къ намъ въ кружокъ двухъ новыхъ членовъ и поручить имъ вести дѣла его. Мы каждый вечеръ встрѣчались въ различныхъ частяхъ города, а такъ какъ мы никогда не носили съ собой писанныхъ адресовъ и именъ,—только шифрованный списокъ контрабандистовъ былъ положенъ въ безопасное мѣсто,—намъ пришлось по памяти сообщить нашимъ новымъ членамъ сотни именъ и адресовъ и дюжину шифровъ, повторяя ихъ имъ много разъ до тѣхъ поръ, пока наши друзья не выучатъ ихъ наизусть. Каждый вечеръ мы пробѣгали всю карту Россіи, останавливая вниманіе главнымъ образомъ на западной границѣ, гдѣ жило много мужчинъ и женщинъ, которымъ поручено было получать книги изъ рукъ контрабандистовъ, а также на восточныхъ губерніяхъ, гдѣ находились наши главные очаги пропаганды.

Затѣмъ слѣдовало познакомить новыхъ членовъ, опять-таки переодѣтыхъ, съ нашими городскими друзьями, и поставить ихъ въ сношенія съ тѣми, кого не успѣли еще арестовать.

Самое трудное въ то время было исчезнуть изъ дому и появиться въ другомъ мѣстѣ подъ вымышленнымъ именемъ, съ фальшивымъ паспортомъ въ полномъ порядкѣ. Сердюковъ покинулъ свою квартиру, но, не имѣя паспорта, скрывался у друзей. Мнѣ-бы слѣдовало поступить также, но помѣшало одно странное обстоятельство.

Я только что закончилъ свой отчетъ о ледниковыхъ формаціяхъ въ Финляндіи и Россіи и долженъ былъ прочитать этотъ отчетъ въ засѣданіи Географическаго Общества. Повѣстки были уже разосланы, но случилось такъ, что въ назначенный день у обоихъ петербургскихъ геологическихъ обществъ должно было состояться общее собраніе, и они обратились къ Географическому Обществу съ просьбой отложить мое сообщеніе до слѣдующей недѣли. Было извѣстно, что я намѣренъ представить нѣкоторыя соображенія о протяженіи ледниковыхъ формаций вплоть до центра Россіи, и наши геологи, за исключеніемъ моего учителя и друга Фридриха Смита, считали это мнѣніе преувеличеннымъ и желали подвергнуть его подробному обсужденію. Пришлось поэтому остаться еще на недѣлю.

Какіе-то чужіе люди рыскали вокругъ моего дома и являлись ко мнѣ подъ всякими фантастическими предлогами: одинъ изъ нихъ желалъ купить у меня лѣсъ въ моемъ Тамбовскомъ имѣніи, гдѣ были только луга безъ

единого деревца. На улицѣ, гдѣ я жилъ, — на шикарной Морской, — я замѣтилъ одного изъ арестованныхъ ткачей, о которыхъ шла рѣчь выше. Такимъ образомъ я узналъ, что за моимъ домомъ установленъ надзоръ. Надо было тѣмъ не менѣе поступать такъ, какъ будто не произошло ничего необыкновеннаго, такъ какъ въ слѣдующую пятницу вечеромъ я долженъ былъ быть на собраніи Географическаго Общества.

Пасталъ день засѣданія. Пренія были очень оживленныя и въ одномъ, по крайней мѣрѣ, пунктѣ я побѣдилъ. Было признано, что все прежнія теоріи, относящіяся къ допотопному періоду въ Россіи, не имѣли никакого обоснованія, и что вопросъ слѣдуетъ переслѣдовать заново. Я имѣлъ удовольствіе слышать, какъ нашъ почтенный геологъ, Барбо-де-Марни, сказалъ: «Независимо отъ ледниковыхъ формаций, мы должны признать, господа, что все, что до сихъ поръ говорилось по поводу дѣйствія плавучихъ льдовъ, ничѣмъ серьезнымъ не обосновано». И на этомъ засѣданіи мнѣ предложили быть предсѣдателемъ отдѣленія физической географіи, въ то время какъ я скрашивалъ себя, не придется-ли мнѣ провести ночь въ тюрьмѣ Третьяго Отдѣленія.

Лучше бы мнѣ было не возвращаться вовсе къ себѣ на квартиру, но я за эти дни страшно утомился и вернулся домой. Въ эту ночь обыска не произошло. Я пересмотрѣлъ все свои бумаги, уничтожилъ все, что могло бы кого-бы то ни было запутать, уложился и приготовился къ отъѣзду. Я зналъ, что за моей квартирой

слѣдять, но надѣялся, что полиція не явится раньше глубокой ночи, и что я благодаря мраку въ состояніи буду выскользнуть изъ дома незамѣченнымъ. Настала вечеръ, и я уже собирался выйти, какъ вдругъ одна изъ нашихъ служанокъ сказала мнѣ: «Вамъ бы лучше пройти по черной лѣстницѣ». Я понялъ, что она хотѣла сказать; быстро спустился по лѣстницѣ и вышелъ изъ дому. У подъѣзда стоялъ одинъ единственный извозчикъ; я поспѣшилъ сѣсть на него. Онъ направился къ Невскому. Вначалѣ меня не преслѣдовали и я подумалъ, что спасенъ. Но тутъ я замѣтилъ, что за нами во весь опоръ гонятся другія дрожки; наша лошадь, не знаю отчего, замѣшкалась, и другія дрожки, — открытыя, какъ у всѣхъ петербургскихъ извозчиковъ, — нагнали насъ.

Къ великому своему удивленію, я увидѣлъ на нихъ одного изъ арестованныхъ ткачей, въ сопровожденіи другого лица. Онъ едѣлъ мнѣ рукою знакъ, какъ бы желая мнѣ что-то сказать. Я велѣлъ своему извозчику остановиться. «Можетъ быть, думалъ я, его выпустили и ему надо сообщить мнѣ что-нибудь важное». Но едва успѣли мы остановиться, какъ человекъ, сидѣвшій рядомъ съ ткачемъ, — это былъ полицейскій агентъ — киннулъ мнѣ: «Господинъ Бородинъ, — князь Крапоткинъ, и васъ арестую».

Онъ подаль знакъ агентамъ, которыми кишитъ эта большая петербургская улица, и въ то же время вскопчилъ въ мои дрожки и показалъ мнѣ бумагу съ печатью петербургской тайной полиціи. «Мнѣ приказано доставить васъ къ генералъ-губернатору для объясненій»,

сказалъ онъ. Сопротивляться было невозможно, — насъ уже окружило нѣсколько сыщиковъ, — и я приказалъ своему извозчику повернуть и ѣхать къ генераль-губернаторскому дому. Ткачъ, остававшійся на своихъ дрожкахъ, послѣдовалъ за нами. Было очевидно, что полиція десять дней колебалась, арестовать ли меня, не будучи увѣренной, что Бородинъ и я — одно и то же лицо. Мой откликъ на обращеніе ткача разсѣялъ послѣднія сомнѣнія.

Случилось такъ, что какъ разъ въ то время, когда я собирался уйти изъ дому, одинъ молодой человѣкъ, пріѣхавшій изъ Москвы, привезъ мнѣ письмо отъ моего друга Войнаровскаго, и другое, отъ Дмитрія нашему товарищу Полякову. Первое сообщало мнѣ, что въ Москвѣ образовалась тайная типографія, и было наполнено цѣнными новостями о дѣятельности въ Москвѣ нашей партіи. Прочитавъ, я уничтожилъ его. Въ другомъ не было ничего, кромѣ невинной дружеской болтовни, и я оставилъ его при себѣ. Но теперь, будучи арестованнымъ, я счелъ, что его лучше тоже уничтожить, и попросивъ у полицейскаго агента, чтобы онъ еще разъ показалъ мнѣ приказъ о моемъ арестѣ, я воспользовался тѣмъ временемъ, пока онъ шарилъ у себя въ карманѣ, и выронилъ письмо на мостовую такъ, что онъ ничего не замѣтилъ. Но по прибытіи къ генераль-губернаторскому дворцу, ткачъ подалъ его агенту со словами: «я видѣлъ, что бариинъ уронилъ это письмо на мостовую, и поднялъ его».

Въ теченіи долгихъ часовъ пришлось мнѣ дожидаться

представителя судебной власти, прокурора. Этот чиновникъ играетъ роль манекена, и назначеніе его состоитъ въ томъ, чтобы покрывать дѣйствія тайной полиціи и давать имъ видимость законности. Понадобилось нѣсколько часовъ на то, чтобы отыскать его, и чтобы онъ могъ исполнить свою обязанность подставного представителя правосудія. Меня отвезли домой и произвели правильный обыскъ въ моихъ бумагахъ; это затянулось до трехъ часовъ утра, но открыть хоть малѣйшій клочекъ бумаги, компрометирующій меня или кого-нибудь другого, имъ не удалось.

Оттуда меня доставили въ третье отдѣленіе, это всемогущее учрежденіе, управлявшее Россіей съ начала царствованія Николая I-го до нашего времени, — настоящее «государство въ государствѣ». Оно зародилось при Петрѣ I-мъ въ видѣ «тайнаго приказа», гдѣ противниковъ основателя русской военной имперіи подвергали самымъ возмутительнымъ пыткамъ, среди которыхъ они иснусли духъ; его во время царствованія императрицъ замѣнила „тайная канцелярія“, и тогда застѣнокъ всемогущаго Миниха наполнялъ ужасомъ всю Россію; наконецъ, свое настоящее устройство оно получило при Николаѣ I-мъ, который соединилъ съ нимъ корпусъ жандармовъ, т. е. шефовъ жандармовъ стали въ Россійской Имперіи бояться гораздо больше, чѣмъ самаго Императора.

Въ каждой губерніи Россіи, въ каждомъ многолюдномъ городѣ, даже на каждой желѣзнодорожной станціи имѣются жандармы, которые обращаются со своими до-

кладами къ своимъ собственнымъ генераламъ и полковникамъ, которые, со своей стороны, находятся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ шефомъ жандармовъ; послѣдній же видитъ императора ежедневно и доноситъ ему то, что считаетъ необходимымъ ему сообщить. Всѣ чиновники имперіи подчинены надзору жандармовъ: генералы и полковники ихъ обязаны слѣдить за общественной и частной жизнью каждаго изъ подданныхъ Царя, даже губернаторовъ, министровъ и великихъ князей. Самъ Императоръ подчиненъ тѣсному надзору съ ихъ стороны, и такъ какъ они отлично знакомы со всѣми дворцовыми сплетнями и освѣдомлены о каждомъ шагѣ Императора внѣ дворца, то шефъ жандармовъ является, такъ сказать, повѣреннымъ въ самыхъ интимныхъ дѣлахъ русскихъ Императоровъ.

Въ этотъ періодъ царствованія Александра II Третье отдѣленіе было совершенно всемогущимъ. Жандармскіе полковники дѣлали обыски тысячами, нимало не заботясь о существованіи русскихъ свода законовъ и правосудія. Они арестовывали, кого хотѣли, держали людей въ тюрьмѣ такъ долго, какъ имъ было угодно и ссылали ихъ сотнями на сѣверо-востокъ Россіи или въ Сибирь, смотря по тому, что находилъ нужнымъ генералъ или они сами; подпись министра внутреннихъ дѣлъ являлась простой формальностью, такъ какъ у него не было надъ ними никакого контроля и онъ даже ничего не зналъ объ ихъ дѣйствіяхъ.

Когда меня начали допрашивать, было уже четыре часа утра.

— «Васъ обвиняють, торжественно сказали мнѣ, въ принадлежности къ тайному сообществу, имѣющему цѣлью ниспроверженіе существующаго строя, и въ заговорѣ противъ священной особы Его Императорскаго Величества. Признаете-ли себя виновнымъ въ этомъ преступленіи?»

— Пока я не буду находиться передъ судомъ, гдѣ я въ состояніи буду говорить публично, до тѣхъ поръ я не дамъ вамъ никакого отвѣта.

— Пишите,—продиктовалъ прокуроръ своему писцу, что онъ не признаетъ себя виновнымъ. И долженъ поставить вамъ еще нѣсколько вопросовъ, продолжалъ онъ послѣ паузы. Извѣстно-ли вамъ лицо, носящее имя Николая Чайковского?

— Если вы настаиваете на своихъ вопросахъ, пишите: «Нѣтъ» на всѣ тѣ, которые вамъ угодно будетъ поставить мнѣ.

— Но если я спрошу васъ, знаете-ли вы Полякова, о которомъ вы только что говорили?

— Разъ вы мнѣ ставите такой вопросъ, я не колеблюсь, пишите: «Нѣтъ». И если вы меня спросите, знаю-ли я своего брата, свою сестру или свою мачеху,—пишите: «Нѣтъ». Другого отвѣта вы отъ меня не добьетесь; ибо отвѣтъ я о комъ-нибудь: «да», вы сейчасъ-же подстроили-бы ему какое-нибудь злое дѣло, сдѣлали-бы у него обыскъ или еще что-нибудь похуже и потомъ сказали-бы, что я его назвалъ».

Мнѣ прочли длинный списокъ вопросовъ, на которые я терпѣливо отвѣчалъ: «пишите: «нѣтъ». Это заняло цѣлый часъ, въ теченіи котораго я узналъ, что всѣ арестанты

стованные, за исключеніемъ обоихъ ткачей, вели себя молодцами. Ткачи-же знали только, что я два раза сходился съ дюжиной рабочихъ, а жандармамъ ничего не было извѣстно о нашемъ кружкѣ.

— Что вы дѣлаете, князь?—сказалъ мнѣ жандармскій офицеръ, отводя меня въ мою камеру. Изъ вашего отказа отвѣчать на вопросы создадутъ страшное оружіе противъ васъ.

— Я вѣдь имѣю на это право, не правда-ли?

— Конечно, но знаете-ли... Надѣюсь, что вы найдете свою комнату удобной. Со времени вашего ареста ее топили.

Я нашелъ ее очень удобной и ночь проспалъ глубокимъ сномъ. На слѣдующее утро меня разбудилъ жандармъ, который принесъ мнѣ утренній чай. За нимъ вскорѣ послѣдовало другое лицо, которое совершенно неожиданнымъ образомъ прошептало мнѣ: «вотъ клочекъ бумаги и карандашъ, напишите письмо». Это былъ одинъ изъ нашихъ, я его зналъ по имени: онъ всегда передавалъ наши письма плѣнникамъ Третьяго Отдѣленія.

Со всѣхъ сторонъ слышалъ я быстро слѣдующіе одинъ за другими удары въ стѣну. Этимъ средствомъ пользовались заключенные, чтобъ сообщаться между собой; но я въ качествѣ новичка ничего не могъ разобрать въ этой системѣ ударовъ, которые, казалось, шли одновременно изъ всѣхъ пунктовъ зданія.

Одна мысль меня мучила. Во время обыска въ моей квартирѣ я замѣтилъ, что прокуроръ прошепталъ нѣсколько словъ на ухо жандармскому офицеру, о скорѣй-

немъ обыскъ въ квартирѣ моего друга Полякова, которому было адресовано письмо Дмитрія. Поляковъ былъ молодой студентъ, очень способный зоологъ и ботаникъ, съ которымъ я совершилъ въ Сибири свою поѣздку въ Витимъ. Онъ происходилъ изъ бѣдной казачьей семьи, съ границы Монголіи, и преодолевши безчисленные препятствія, прибылъ въ Петербургъ, поступилъ въ университетъ, гдѣ онъ пріобрѣлъ извѣстность зоолога съ великимъ будущимъ, и въ описываемое время ему предстояло держать выпускные экзамены. Со времени нашего долгаго путешествія мы стали большими друзьями и нѣкоторое время даже жили вмѣстѣ въ Петербургѣ; но онъ совсѣмъ не интересовался моею политической дѣятельностью.

Я заговорилъ о немъ съ прокуроромъ. «Даю вамъ честное слово, сказалъ я ему, что Поляковъ никогда не принималъ участія ни въ какомъ политическомъ дѣлѣ. У него завтра экзаменъ и не пожелаєте же вы навсегда разбить научную карьеру молодаго человѣка, который прошелъ черезъ тяжелыя испытанія и годами боролся со всевозможными препятствіями, чтобы добиться своего настоящаго положенія. Я знаю, что для васъ все это не важно, но въ университетѣ его считаютъ одной изъ будущихъ знаменитостей русской науки».

Обыскъ все-таки былъ произведенъ, но ему дали 3 дня на окончаніе экзаменовъ. Немного времени спустя я былъ вызванъ къ прокурору, и послѣдній съ торжествомъ показалъ мнѣ подписанный моею рукой конвертъ, въ которомъ заключалась записка, тоже моимъ почеркомъ

гласившая слѣдующее: «будьте добры передать этотъ пакетъ В. Е. и попросите сохранить его до тѣхъ поръ, пока его не потребуютъ въ должной формѣ».

Кому записка была адресована, въ ней упомянуто не было. «Это письмо, сказалъ прокуроръ, было найдено у Полякова, и теперь, князь, его судьба въ вашихъ рукахъ. Если вы мнѣ скажите, кто такое В. Е., тогда я прикажу освободить Полякова; но если вы откажетесь отъ этого, я прикажу держать его въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока онъ не рѣшится назвать намъ имя этого лица».

Разсмотрѣвъ конвертъ, адресъ на которомъ былъ написанъ итальянскимъ карандашомъ, тогда какъ записка была написана обыкновеннымъ, я сейчасъ же вспомнилъ, въ какихъ условіяхъ было написано и то и другое.

«Я знаю навѣрное, воскликнулъ я вдругъ, что записку и письмо нанли не вмѣстѣ! Это вы положили записку въ конвертъ». Прокуроръ покраснѣлъ. «Вы не заставите меня повѣрить, продолжалъ я, что вы чловѣкъ опытный, не замѣтили, что эти двѣ бумаги написаны разными карандашами. А вы теперь пробуете увѣрить меня, что этотъ конвертъ относится къ этому письму! Ну, такъ я милостивый государь, заявляю вамъ, что письмо это было адресовано не Полякову».

Онъ нѣсколько минутъ былъ ошеломленъ, потомъ къ нему возвратилась смѣлость и онъ сказалъ: «Поляковъ, однако, призналъ, что письмо это было вами адресовано ему». Тутъ ужъ я убѣдился, что онъ лжетъ. Поляковъ призналъ бы все что угодно, что касалось его самого;

но онъ лучше предпочелъ-бы быть сосланнымъ въ Сибирь, чѣмъ выдать другого. И я въ упоръ смотря въ глаза прокурору, отвѣчалъ: «Нѣтъ, милостивый государь, онъ этого *и не думалъ* говорить, и вы отлично знаете, что говорите неправду». Онъ взбѣсился, или сдѣлалъ видъ, что взбѣсился. «Ну, въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ, если вамъ угодно подождать здѣсь одну минуту, я принесу вамъ письменное показаніе Полякова. Его допрашиваютъ въ сосѣдней комнатѣ». — «Я готовъ ждать, сколько вамъ угодно».

И усѣлся на диванъ и сталъ курить папиросу за папиросою, но показаніе не приходило. Оно такъ и никогда и не появилось.

Само собою разумѣется, что никакого такого показанія не существовало. Я встрѣтился съ Поляковымъ въ 1878 году въ Женевѣ, откуда мы совершили очаровательную прогулку на Алетскій ледникъ. Нѣтъ надобности упоминать о томъ, что его отвѣты въ дѣйствительности вполне соответствовали моимъ предположеніямъ: онъ отрицалъ всякое знакомство какъ съ запиской, такъ и съ лицомъ, обозначеннымъ буквами В. Е. Мы обыкновенно давали другъ другу множество книгъ и записка эта была найдена въ какой-нибудь книгѣ, конвертъ же былъ отысканъ въ карманѣ стараго пальто. Полякова нѣсколько недѣль продержали подъ замкомъ, а потомъ отпустили, благодаря внимательству его университетскихъ друзей. Кто такое былъ В. Е., такъ никогда и не узнали, а мои бумаги въ нужный моментъ были отобраны назадъ. Въ послѣдствіи, каждый разъ, когда

я вновь видѣлъ прокурора, я дразнилъ его вопросомъ: «Ну, а что-же показаніе Полякова?».

Меня уже не отвели назадъ въ мою камеру, по часѣ спустя прокуроръ вошелъ въ сопровожденіи жандармскаго офицера. «Вашъ допросъ теперь законченъ, сказалъ онъ мнѣ; васъ препроводятъ въ другое мѣсто».

Передъ подъѣздомъ стояла четырехколесная карета. Меня пригласили сѣсть въ нее и рядомъ со мной сѣлъ здоровенный жандармскій офицеръ, по происхожденію грузинъ. Я заговорилъ съ нимъ, но въ отвѣтъ добился только ворчанія. Карета проѣхала Цѣнной мѣстъ, Марсово поле и направилась вдоль каналовъ, какъ будто они хотѣли избѣжать людныхъ улицъ. «Не въ Литовскую-ли тюрьму мы ѣдемъ?» — спросилъ я у офицера, зная, что тамъ уже находилось нѣсколько моихъ друзей. Онъ мнѣ не отвѣчалъ. Режимъ полного молчанія, которому я подвергся въ продолженіи слѣдующихъ двухъ лѣтъ, начался уже въ этой каретѣ; но когда мы переѣхали Дворцовый мостъ, я уже самъ понималъ, что меня везли въ Петропавловскую крѣпость.

Я любовался прекрасной рѣкой, зная, что не скоро увижу ее снова. Солнце садилось. Тяжелыя сѣрыя тучи тянулись съ запада надъ Финскимъ заливомъ, а надъ моею головою плыли легкія облака, въ промежуткахъ между которыми видѣлись тамъ и сямъ клочки синяго неба. Наконецъ, карета повернула налѣво и загрохотала подъ темнымъ сводомъ, — воротами тюрьмы.

«Ну, теперь ужъ это на нѣсколько лѣтъ» — замѣтилъ я офицеру.

«Ну, зачѣмъ-же такъ долго» возразилъ грузинъ, къ которому теперь, по въѣздѣ въ крѣпость, возвратился даръ слова. Слѣдствіе по вашему дѣлу почти закончено и васъ могутъ судить днѣй черезъ пятнадцать».

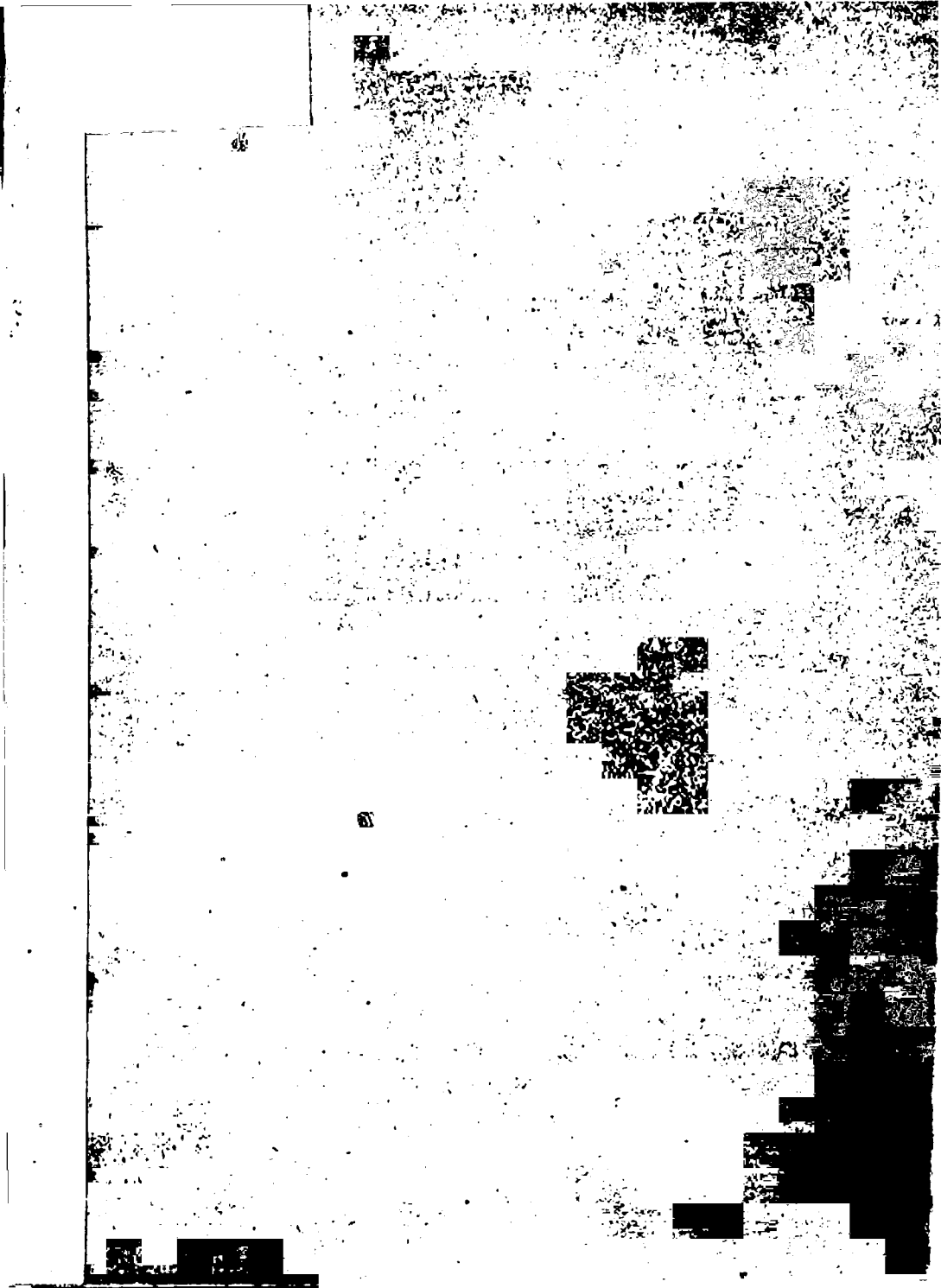
«Дѣло мое весьма несложно,—отвѣчалъ я, но прежде, чѣмъ судить меня вы захотите арестовать всѣхъ русскихъ социалистовъ, а ихъ много, очень много; вы и въ два года не успѣете кончить». Въ то время я и понятія не имѣлъ, какое пророческое это было замѣчаніе.

Карета остановилась у подъѣзда военного коменданта крѣпости и мы поднялись къ нему въ приемную. Генералъ Корсаковъ, худой старикъ, вошелъ съ пахмуреннымъ видомъ. Офицеръ что-то сказалъ ему вполголоса и старый генералъ отвѣтилъ: «хорошо», бросивъ на него недобрый взглядъ; потомъ онъ обратилъ взоръ въ мою сторону. Было ясно, что ему совѣмъ не было пріятно принимать новаго пансіонера и что онъ немного совѣстился своей роли; но онъ, казалось, говорилъ: «я солдатъ и долженъ исполнять данныя мнѣ приказанія». Затѣмъ мы снова сѣли въ карету и вскорѣ остановились передъ другими воротами, гдѣ довольно долго пришлось ждать, чтобы отрядъ солдатъ открылъ ихъ изнутри. Тогда мы пошли пѣшкомъ по узкимъ корридорамъ и пришли къ третьей желѣзной двери, выходившей въ мрачный сводчатый проходъ, пройдя который, мы вошли въ тѣсную, темную и сырую комнату.

Нѣсколько унтеръ-офицеровъ крѣпостнаго гарнизона ходили взадъ и впередъ въ своихъ войлочныхъ сапогахъ, заглушавшихъ звукъ шаговъ, не произнося ни

слова, въ то время какъ комендантъ росписывался въ книгѣ грузина и удостовѣрялъ полученіе имъ новаго заключеннаго. Меня пригласили снять все мое платье и одѣться въ тюремное,—зеленый фланелевый халатъ, широчайшіе шерстяные чулки невѣроятной толщины и желтыя туфли въ формѣ челнока, такія широкія, что когда я пытался ходить, я не могъ удержать ихъ на ногахъ. Я всегда терпѣть не могъ халатовъ и туфель, а толстые шерстяные чулки внушали мнѣ отвращеніе. Пришлось снять мнѣ даже нижнюю шелковую рубашку, которую мнѣ особенно хотѣлось сохранить въ этой сырой тюрьмѣ, по которой мнѣ не хотѣли оставить. Я, разумеется, сталъ шумно протестовать, и черезъ часъ, по приказанію генерала Корсакова, мнѣ ее отдали. Послѣ этого меня повели черезъ темный корридоръ, гдѣ я замѣтилъ ходящихъ взадъ и впередъ часовыхъ, и ввели меня въ камеру. Тяжелая дубовая дверь закрылась за мной, въ замкѣ повернулся ключъ и я оказался одинъ въ комнатѣ, погруженной въ полумракъ.

Продолженіемъ служить „Петропавловская крѣпость и мой побѣгъ“.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

Ссылка въ Сибирь. Цѣна 15 коп.

Тюрьмы, ссылка и каторга въ Россіи. Цѣна 15 коп.

Петропавловская крѣпость и мой побѣгъ. Цѣна 15 коп.
